

Сергей Волошин

ДУШКА

Повесть

Сергей Петрович Волошин

Душка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69405562

SelfPub; 2023

Аннотация

От пожилого гитарного мастера уходит жена. Оставшись в одиночестве, он знакомится с молодым человеком, у которого другая проблема – развод, смерть бывшей супруги, и крайне сложные отношения с дочерью, начинающей скрипачкой. Мастер предлагает свою помощь в восстановлении семейной гармонии, а аттрактором к этому действу становится скрипка известного русского мастера Льва Горшкова. Главные герои, а также их родные и близкие проходят через сложный период обострённых отношений. Но основная линия этой лирической истории – о самом главном – о любви, о душе, о Родине и добре. Для широкого круга читателей.

Сергей Волошин

Душка

Друзьям бардам, музыкантам и поэтам
посвящается

I

Май выдался необычно дождливым. Нескончаемыми сутками сизые грозовые тучи нависали над приунывшим от холодного купания и липкой дорожной слякоти городом, и, казалось, что эта атмосферная аномалия продлится вечно. Солнце даже набегом не выныривало из свинцовых небесных глубин, порывистый ветер неласково гладил едва народившуюся, но уже напитавшуюся влагой листву, ночи звенели струнами ливней. Вооружённые разноцветными зонтами люди стремглав проскальзывали из ковчегов своих домов, рассасываясь по заводам, фабрикам и офисам, и точно так же, мелкими перебежками между россыпями дождей – от здания к зданию, от дерева к дереву, от магазина к магазину – возвращались вечером обратно.

Гитарная мастерская Анатолия Ивановича пустовала уже больше недели. Ни одного случайного клиента, ни едино-

го долгожданного звонка. А ведь месяц назад, в холодном и небывало снежном апреле, мастерская была завалена музыкальными инструментами, молящими о ремонте или реставрации. Битые безжалостным временем советские и иностранные гитары, а также причудливые поцарапанные мандолины, принесённые сердобольным преподавателем близлежащей музыкальной школы, скрипки и виолончели, домбра и балалайка, даже растрескавшийся пожилой чехословацкий контрабас.

А теперь ничего и никого. Пустой дом, словно застывшая в зёрнах ветхой черно-белой фотографии, просторная мастерская. Ну, да, кому охота по такой погоде тащить куда-то свои любимые музыкальные инструменты? Уехала и Елена Владимировна, жена, с которой прожили целых тридцать пять лет. Забрала с собой собачку Зиту, игривую рыжую дворняжку с искрящимися как бусинки чёрными глазами, которую Анатолий Иванович очень любил.

Собирая в дорогу сумки, Лена сказала, что снова едет проведать свою больную мать, Тамару Васильевну, а если будет нужно досмотреть старуху, то придётся на какой-то неопределённый период задержаться – «сам понимаешь». Но обряженный хрупкой надеждой Анатолий Иванович знал, внутренне чувствовал, что это неправда. Лена уезжала навсегда, в её необыкновенно больших, не тронутых паутиной морщин глазах и виновато дрожащих устах читалось прощание.

Да, тёща Тамара Васильевна давно нездорова, и возраст –

ни много, ни мало, а восемьдесят лет – неподъёмным багажом гнул к земле. Грудами беды нарастали болезни – сначала долгое лечение в кардиологии, потом непрекращающийся разрывающий грудь кашель, вызванный небольшим новообразованием в правом лёгком. Врачи отказались делать операцию, сетуя на солидные годы пациентки, но лечение химиотерапией всё-таки назначили. Здесь и дал о себе знать пробудившийся сытым вулканом болящий кишечник.

– Всё, доча, видать, конец пришёл, – визгливым скрипом гнущегося листового железа стонала Тамара Васильевна. Дочка убедительно и деловито успокаивала, а как иначе.

Весь последний год Лена часто ездила к матери в соседний городок-спутник. По возвращению всегда всё подробно и обстоятельно рассказывала супругу, иногда искренне просила совета, искала сочувствия и практической помощи. Но последние пару месяцев жену словно кто-то подменил. Стала молчаливой, холодной, отдалилась. Перешла ночевать в спальню умершего в детстве сына, в которую раньше заходила только прибраться, всплакнуть у сыновней фотографии и помолиться бабушкиной иконе, что в дальнем углу.

На все вопросы Анатолия Ивановича отвечала, что так надо, так легче. Стала часто испаряться из дома к подруге – однокласснице, с которой не виделись лет сорок. Что за неожиданно вспыхнувшая дружба на склоне лет? И тоже отвечала, что общение даёт некую силу, терпение для преодоления грядущего неизбежного – смерти матери.

– Давай, может, я тебя как-то подменю, съезжу к тёщеньке, проведу, приготовлю ей супчика, своего фирменно-го, а? – неуверенно, видя взвинченное настроение супруги, предлагал Анатолий Иванович.

– И мыть ты её тоже будешь? – грубо вопросом на вопрос отвечала жена и гневно поясняла, что не стоит беспокоить маму без лишней надобности. Она, мол, сама себя в зеркале стесняться стала, а тут любимый зятёк заявится. Однозначно, нет.

Но было что-то в этом «нет» другое, сложное, необъяснимое. Словно умышленно Лена искала повод провести невидимую, но радикально сепарирующую линию в добрых супружеских отношениях. Нет, не такой старости ожидал Анатолий Иванович. Думал, что с годами из химической реакции любовь переваривается в какую-то иную субстанцию, тесно связывающую близких людей на высоком духовном уровне, а пресловутый «бес в ребро» – это вымысел людской.

Да и не «бес» это вовсе. Видел, понимал по алгебре супружеских слов, чувствовал по мелодиям её настроений, что никаких ни новых, ни старых отношений у Лены нет и быть не могло. С одной стороны возраст уже не тот, год назад как вышла на заслуженный отдых, с другой стороны – характер верный – за всю жизнь никогда и неуловимого намёка не было на то, чтобы пойти на сторону. Ну, а болезнь матери – и вовсе не причина рвать семейные узы. Наоборот, у всех людей бывает так, что беда сближает.

Тут что-то другое, и это самое другое Анатолий Иванович стал искать в себе. Молчит Лена, не разговаривает и он. Как в старой детской игре в молчанку. Уходит в мастерскую, смотрит сквозь окно на кухню, и видит, что мучается жена, разговаривает сама с собой, машет исхудавшими руками как психически больная. Прежде румяные щёки ныне впали, скулы заострились, всегда опрятно уложенные в пробор длинные каштановые волосы растрепались и обнажили прикорневое серебро. Плохо Елене Владимировне, нехорошо и Анатолию Ивановичу.

Широкое арочное окно со столешницей, ведущее из мастерской в кухню, он сделал несколько лет назад специально, чтобы сократить расстояние и увеличить периоды проводимого вместе с женой времени. Лена на кухне у газовой плиты, а Анатолий Иванович управляет со своими инструментами, так можно и чайку попить вместе, не отходя от верстака. С одной стороны окна – столярный стол, с другой – столовый, видно друг друга, слышно, если вытянуться во весь рост, то можно и поцеловаться, да легонько ущипнуть любимую за нежные места.

Раньше на месте мастерской был отцовский гараж. Но, доглядев отца до самой смерти, Анатолий Иванович перепланировал дом на свой лад, чтобы и жить с супругой было удобно, и на работу не ходить далеко. Спустился со второго этажа, и ты уже на месте, трудись на здоровье. Лишь стойко пахнущая целлюлозой малярная камера, где мастер занимался

покраской и лакировкой инструментов, была возведена отдельно, в углу небольшого засаженного яблонями и грушами двора.

По молодости Лена, хоть и работала в школе учителем математики, дома была молчаливой, зато крайне раскрепощённой, могла вечером заманить мужа куда-нибудь под яблоню и сконфузить неожиданно возникшей горячей страстью. Робко оглядываясь и молча кивая на светящиеся соседские окна, Анатолий краснел, покрывался холодной испариной, упирался от приставаний молодой жены, но, в конце концов, всегда сдавался.

Особенно удобной для любовных утех была старая груша, пологой рогатиной расходившаяся на две разные стороны. Когда у супруги было хорошее настроение, она подмигивала Анатолию и говорила: «Может, прогуляемся под грушку?»

Это были лучшие годы в их совместной жизни. А теперь Лена стала словно чужая. Разговаривала коротко, как бы нехотя, сухо и часто дерзко.

Анатолий Иванович ходил по дому и двору сам не свой, думал над причинами такого поведения супруги, а ответа не находил. Однажды решил поставить вопрос ребром.

– Леночка, может, как-то объяснимся, что происходит между нами. Так же жить невозможно, забралась слизнем в свою ракушку, живёшь в ней отдельно от мира. А мне что делать, как вести себя, я не понимаю. Чувствую себя виноватым в чём-то... Только в чём?

– А что не так? Тебе раньше, вроде, и с гитарами нескучно жилось? Что случилось сегодня?– злобно парировала Лена.

– Гитары – предметы неодушевлённые, ты б к деревяшкам не ревновала что ли. . .

– Я и не ревную. Отревновала своё, слава Богу, поводов давал вагон и маленькую тележку.

– Ну, ревность – занятие простое, можно и столбы электрические в этот твой вагон с тележкой загрузить и оптом в соблазнении мужского населения обвинить, – бурчал Анатолий Иванович, вспоминая свой неудавшийся и вовремя пришедший к эпилогу роман со школьной подругой жены, физичкой Настей.

– Что-то происходит со мной, сама не знаю, нет ни объяснения ни желания что-то придумывать искать какие-то слова, чтобы тебе было понятно, – вздыхала Лена. – В мою шкуру ты не влезешь, я в твой череп тоже скворцом не заселюсь. Сложно мне, Толик. Самой побыть хочется. Сломался какой-то винтик внутри, не отыщешь его, и обратно на закрутишь. А без него не живётся, не любитя. Может, и поймёшь когда-нибудь, а там и простишь. . .

Так и уехала Елена Владимировна в таинственных недо-молвках и тяжёлой недопонятости.

II

Была пятница, всю ночь дождь ритмично барабанил по высоко оттопыренным металлическим подоконникам. Рано утром в мастерскую Анатолия Ивановича позвонили. За несколько дней вынужденного простоя хозяин успел отвыкнуть от посещения клиентов. Перед калиткой появилась невысокая фигура коротко стриженного молодого человека лет тридцати пяти, в ярко-синей дорогой рубашке и коричневых вельветовых брюках. Представился Евгением, распахнув над головой зонт, резкими спешащими движениями достал из салона белого джипа «Land Cruiser» потёртую тёмно-жёлтую скрипку и проскочил в помещение.

– Вот, – сказал Евгений, протягивая инструмент мастеру.

– Присаживайтесь, – предложил Анатолий Иванович, кивнув в сторону покрытого слоем деревянной пыли старинного дубового стула, – чистая тряпочка на спинке, если что.

– Извините, спешу, бизнес не ждёт, – отказался от предложения молодой человек и предложил сразу обсудить план ремонта и цену.

– Давайте попробуем, – улыбнулся мастер, за долгие годы работы привыкший к вечно спешащим клиентам, которые хотят «быстро», «качественно» и «недорого».

– В общем, это скрипка моего отца, валялась на даче, на чердаке, лет, наверное, десять. Батя, ныне покойный, на ней

играл круто, хотел, чтоб и я выучился. Но не судьба, не дал Бог музыкального таланта, – слегка замялся Евгений. Потом, немного подумав, как бы что-то припоминая, добавил, – на гитаре иногда могу побрынькать, на природе, под шашлычок в хорошей компании. Скрипка – не моё. А вот дочка играет, учится в музыкальной школе. Но у неё какая-то китайская фанера, не строит, не звучит, не игра, а мучение. А это всё-таки дерево, посмотрите.

Анатолий Иванович надел очки, взял лупу и стал бережно, почти не дыша, осматривать инструмент. Заглянул внутрь скрипки, что-то долго там читал на серой сморщенной этикетке, долго водил тонкой костлявой рукой по слегка расслоившейся верхней деке, словно вспоминал что-то очень знакомое и приятное.

– Я знаю этот инструмент. А кто, извините, и если это не табуированная тема, ваш отец? – спросил мастер.

– Борис Михайлович Васильев, кличка Бээмвэ если помните такого по девьяностым годам, – с некоторой грустью в жгучем взгляде улыбнулся Евгений.

– Да, да, припоминая «васильевскую» группировку, шумно было в городе от них. Но понятия не имел, что тот юный скромняга – скрипач Боря, с которым когда-то довелось вместе поиграть в одном школьном ансамбле, и знаменитый коммерсант и... бригадир Васильев – один и тот же человек. Вот, дела. Жаль Борю. Его, кажется, убили?

– Пути господни неисповедимы, – отрезал Евгений. – Так,

может, обсудим план ремонта и цену вопроса?

– Пожалуй, да. Хотя, признаться, не вижу каких-то серьёзных причин для глубокого конструктивного вмешательства в этот прекрасный инструмент. Немного косметики, профилактика, увлажнение, отстройка и, собственно, всё. Я знаю эту скрипку, давно знаю, и она за указанные вами десять лет хранения на чердаке ничуть не стала хуже.

– Нет. Я бы хотел не косметику, а как бы это сказать, полную заклейку, перелакировку, ну, и приведение в игральное состояние. Подарок дочке всё-таки.

Анатолий Иванович сначала демонстративно вздрогнул, нервно взбив на макушке седую шевелюру, глубоко и звучно вздохнул, демонстрируя клиенту немое возмущение, потом ещё раз навёл лупу в темноту эфы – фигурного резонаторного отверстия в верхней деке скрипки.

Стало понятно, что у мастера своё видение ремонта инструмента.

– Женя, вы знаете, чьей работы ваша скрипка?

– Никогда не задавался этим вопросом. А это действительно важно? Не Страдивари же! Я вообще-то спешу. Какая разница, кто лепил эту деревяшку, главное, она должна быть реставрирована, чтобы была желательна как новая, чтобы ребёнку было приятно брать её в руки. Понимаете?

– Не понимаю.

– У меня сложные отношения с девочкой. Ей двенадцать лет, переходный возраст стартует. Как бы вам пояснить это?

Я недавно через суд забрал её у бабушки в свою новую квартиру. Вообще-то я планировал жить в этой квартире со своей новой женой, точнее, с девушкой, а тут такое... В общем, первая моя жена разбилась на машине. Причём на машине, которую при разводе подарил ей я. Понимаете? И разбилась, как считает следак, не случайно. Самоубилась, понимаете? Из-за ревности что ли. Или чтобы мне насолить. Дура была, блин, вывела тачку на встречную полосу прямо под фуру. Хорошо хоть мужик-водила не пострадал. А у него трое детей. Ду-ра! На-би-та-я! Извините, что я вас всем этим грузу, но оно ж болит, спать не могу. Оленька, дочка, вроде, и любит меня, вроде, как-то мы пытаемся вместе наладить нашу жизнь. Или это мне так кажется. Но потом как бес её посещает. «Ненавижу», – кричит, считает, что я виноват в смерти матери. А я что, разве виноват, что мамка Оленьки дура?!

Евгений вытер кулаками увлажнившийся высокий лоб и рухнул на пыльный стул. Анатолий Иванович побелел в лице и застыл как бетонная скульптура. Не ожидал такой необузданной экспрессии и душевных откровений от только что казавшегося волевым и успешным молодого человека.

– Жень, может, вам чайку? И поговорим. Что ж вы, бизнесмены, вечно так спешите куда-то? А жить-то когда? Тем более так жить, в муках душевных.

– А вот вы знаете, а давайте чайку, я передумал, – вдруг согласился молодой человек. – У меня там, в машине, какие-то пряники имеются. Пожрать некогда, всё на ходу, на

бегу, и так уже несколько лет. Понимаете?

– Пытаюсь понять. Я в таких ситуациях не бывал, – привычно солгал Анатолий, хотя на его шестидесятилетнем жизненном пути чего только не было – и радостные встречи, и сложные расставания, и любовь, и ненависть, и приобретения с потерями, а уж об известной спешке жить и творить – так романы писать можно.

III

Сняв рабочий халат и оставшись в тёмно-сером помятом спортивном костюме и стоптанных камуфлированных тапках, Анатолий Иванович семенящими шагами перешёл в кухню. Он обожал чаепития со своими клиентами – так можно и самому излить душу, и бездну чужой беды нужным словом заполнить, заодно детально, а не в спешке обсудить ремонт, договориться о цене. Можно и про политику. А кто о ней, о политике, нынче не спорит? Все умные, учёные, эксперты, политологи, насмотрелись телевизора, начитались интернетов. Слова поперёк не скажи, ни у кого нет собственного мнения, зато у всех в избытке убеждённости, навязанной сторонними веяниями.

Анатолию Ивановичу последнее время крайне не хватало общения. Жена в постоянной молчанке и отъездах. Учеников в мастерской не воспитал. Да и кого сегодня из моло-

дѣжи увлечѣшь таким редким и необычным ремеслом? Все стремятся получить всё и сразу, и престижную профессию в солидном учреждении, и достойную должность, и, конечно, высокую зарплату, чтобы и дом мгновенно, и машину дорогую, и разукрашенную в салоне куклу на переднее сидение. Поэтому разговоры с клиентами стали не только частью работы Анатолия, но важной, необходимой составляющей его жизни и досуга.

– Дом у вас неплохой, двухэтажный. На ремонте деревяшек такой подняли? – переключил тему разговора Евгений, с шипением дую на горячий чай в оранжевой фарфоровой кружке.

– Дом родительский. А мастерскую уже создавал я. Собственно, я ведь не всегда занимался деревяшками, при Союзе был фрезеровщиком целого шестого разряда, на нескольких заводах работал, даже в самодеятельных ансамблях при профсоюзах выступал. Пели свои песни, а также обязательная программа – про войну, про Родину и про стройки века. Как говорится, до ремонта гитар и скрипок я был квалифицированным строителем коммунизма.

– Хорошо, что не достроили.

– Что не достроили – дом или коммунизм?

– Коммунизм.

– Ну, не знаю. Может и хорошо, но многое в Союзе было правильным, отвечу я вам с высоты собственного пережитого опыта и наблюдений.

– Какой там «правильным», если развалился этот ваш Союз. Рухнул, как подкошенный.

– Почему же «наш»? Он и ваш, это ваша юридическая, как я понимаю, и уж тем паче историческая родина. Вы ведь, Женя, к сожалению, не застали наше большое Отечество в сознательном возрасте, поэтому, как мне кажется, рассуждаете о нём через призму лихо нарубленных в постсоветское время пропагандистских штампов. Раньше хороший дом у квалифицированного рабочего не воспринимался чем-то из ряда вон. Это сейчас двухэтажный дом у нас в состоянии себе построить или купить только, как принято нынче говорить, деловые люди. А тогда – выйдете за двор – целые улицы выгнаны простыми рабочими.

– Было такое, не спорю. Но я о другом. Вот вы, коммунисты, за равенство топите, за справедливость. А было ли оно, это равенство в вашей стране? У одних были привилегии партийные, дачи там, спецпайки, а у других – хибары в лагерях для политических. Я вообще считаю, что не может быть в жизни никакого равенства и справедливости, они самим Всевышним не предусмотрены. Вот, смотрите, один умирает в сорок лет, а то и раньше, а другой в сто лет, или больше. Где здесь равенство? Один родился в Париже, в семье олигарха, а другой – на крайнем Севере, в юрте оленевода- алкаша. Понимаете?

– Что ж у вас, у молодёжи, всё в головах как-то через пень-колоду упаковано? Учителей бы ваших всех на уборку уро-

жая в колхоз отправить, а после – в перековку на курсы повышения квалификации, – вздохнул Анатолий Иванович. – Во-первых, почему вы Советский Союз так упорно своей страной не считаете? Не надо путать государственный и политический строй с той землёй, народом и культурой, которые вокруг тебя, и которые были раньше, существуют в данное время и останутся в грядущем как неизменная, вечная величина. Во-вторых, я никогда не был коммунистом. В стране жило почти триста миллионов человек, из которых лишь каждый пятнадцатый вступил в коммунистическую партию. Да и то половина не из-за убеждений, а по рекомендации и из-за карьеры.

– Так вы ж поддерживали политику партии, славили совок, – перебил Евгений.

– Ой, какое нехорошее слово, этот ваш совок. Бог, ты мой, что вы только в его смысл ни вкладываете. А ведь у понятия так называемого совка корни и горизонты применения были гораздо глубже и шире. Вот я, например, помню, что слово это появилось в обиходе у шестидесятников. Знаете, кто это такие?

– Те, что в шестидесятые годы родились, наверное.

– Ответ неправильный, те, кто в шестидесятые годы творил вечные произведения, поэт Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, барды Окуджава, Высоцкий, Визбор. Надеюсь, слышали таких? Эти люди, мил человек, отнюдь не являли собой каких-то антисоветчиков, все в равной мере бы-

ли преданы ленинской идеологии и патриотически настроены. Но уже тогда критиковали зачванившихся, чрезмерно ретивых, пафосно неадекватных номенклатурщиков, а по-иному – совков. Помните старый чёрно-белый фильм «Большая жизнь», там ещё парторг был такой – маленький, лысенький, противный. Вот – типичный образчик. Не помните? Ну, да, это кино другого поколения... Их много было, совков, перекрасившихся и перебежавших туда, где теплее, предавших Отечество и народ. Причём повсеместно – от Москвы до самых до окраин. И Союз валили вовсе не хиппи и не шестидесятники, а именно совки, сохранявшие систему своего доминирования. Мародёрами я их называю. Кто во время революций, войн и больших перемен ловит рыбу в мутной воде? Мародёры. Всегда они первыми бегут за чужим добром. Собственно, смысл Советской власти был в том, чтобы победить совок и отстроить государство, в котором жить было бы хорошо и комфортно всем. Шестидесятники, например, мечтали о человеческом будущем, совки же – о своих привилегиях, возможностях и желудках.

– Так их, таких совков, и сейчас пруд пруди, – соглашаясь с Анатолием, заметил гость.

– Да, всё, как сейчас. Совки никуда не делись, они переродились и сохранили свою систему уже внутри нового государственного проекта. Советский – это был великий замысел. А совок – это то, что мешало его реализовать. Вот, ваша скрипка, например, тоже сделана во времена Союза, и сдела-

на не каким-то там совком, а большим мастером, между прочим, самим Львом Горшковым. А работы великих мастеров требуют к себе особого, крайне внимательного и бережного отношения. Вы, вот, решили, что скрипку нужно перелакировать, чтоб красивой была, блестящей, как гладь морская, вид чтоб товарный имела. А я предлагаю иной подход – сохранить инструмент в его первоизданном виде – стяну трещины, подравняю шеллачное покрытие, отстрою высоту струн и мензуру. Пусть этот антикварный вид и вызывает вопросы у ретивых эстетов, но среди настоящих музыкантов и благодарных слушателей никаких вопросов не возникнет. Я бы, может, и с радостью взялся за ваш заказ, тем более, как я понимаю, вы платежеспособный клиент. Почему бы мне и не заработать на вас лишнюю копейку? Но я не могу совершать преступления перед музыкой и историей. А что про меня мои коллеги по цеху скажут?

– Мне кажется, что много пафоса, Анатолий Иванович, – улыбнулся Евгений, возбуждённо ёрзая на стуле. – Ну, пусть Лев, пусть Горшков. О нём только вы, как мастер, пожалуй, и знаете.

– Нет- нет! Здесь вы заблуждаетесь, – громко запротестовал Анатолий. – Горшкова знали крупные музыканты – итальянцы, австрийцы, немцы. Это имя известно русским скрипачам и виолончелистам, игравшим в Московской и Белорусской консерваториях. Горшкова, как великого мастера уважали сам Ростропович, сам Климов и даже Шостакович.

– Вы хотите сказать, что эта деревяшка достойна сравнения со скрипками Страдивари что ли?

– Почему бы и нет? Кто сказал, что инструменты Страдивари эталон в скрипкостроении? Это сказала реклама! Сказали те, кто наживает состояния на продаже продуктов Страдивари, и не более. А все эти сказки о каких-то особых сортах дерева и о тайнах лака – всего лишь маркетинговая хитрость. Давно практически доказано, что скрипки Страдивари звучат ничем не лучше инструментов его современных последователей. Скажите, Женя, Евгений Борисович, с чем связан ваш бизнес?

– Это долго объяснять. Но он близок к медицинскому оборудованию. Потому я и спешу вечно, что, как я понял, не очень нравится вам. Понимаете, от моей работы, как и от труда хирурга, тоже зависят здоровье и жизни пациентов. Больницам и поликлиникам нужны исправные приборы, расходные материалы, детали и комплектующие для них. Это даже не старинные скрипки с гитарами, это куда важней.

– Замечательно! – воскликнул Анатолий Иванович, на его лице заискрилась надежда и робкая уверенность в том, что клиент негласно, но фактически принял его предложение. – Вы сами подвели наш разговор к этому моему сравнению. Как думаете, хирург будет оперировать больного, слушая советы самого больного? Думаю, нет, уверен, что не будет. Врач сам принимает решение об объёмах операции, исходя из проведённого диагностического исследования, опы-

та и профессиональной интуиции. В вашем случае я являюсь врачом, мой диагноз таков: ваша скрипка практически здорова, ей нужно условно прокапать витамины и поставить зубные протезы. Это шутка, конечно. Но кое-что в скрипке Горшкова действительно отсутствует, и требует установки.

– Что именно?

– Это...м-м-м...это душка. Маленькая такая еловая палочка, которая вводится внутрь корпуса скрипки и ставится между деками под нижнюю часть струнной подставки, примерно вот сюда, – Анатолий Иванович аккуратно ткнул пальцем в то место, где должна стоять душка. – Это очень важный элемент во всей конструкции, от него зависит звук инструмента. Знающие люди говорят, что само название этой маленькой палочки происходит от слова «душа». И это так, душа не на месте, и скрипка не звучит, а страдает. Как человек почти. Вот так. Обычно, если душки выпадают, то остаются внутри скрипки. А здесь её нет. Это к вам вопрос: куда девали, пока хранили скрипку?

– Точно! Была такая. Как огрызок карандаша, – вспомнил Евгений. – Но куда она делась, честно слово, не скажу, годы прошли.

– Да это и не важно, – спокойным наставническим голосом проговорил Анатолий Иванович. – Сделаю новую, лучше, чем была. Главное, чтобы душка была на месте. И тогда ваша скрипка зазвучит так, как когда-то она пела в руках вашего отца. Если бы вы знали, как я ему завидовал, ведь

я пиликал, страшно вспомнить, на каком-то кривом бревне с треснувшей подставкой и безобразным смычком, произведёнными на уже давно закрытой одесской фабрике. Вы беспокоитесь, что ваш подарок не понравится дочери? А давно ли она обучается игре на скрипке?

– Уже четыре года, в ансамбле иногда солирует.

– В таком случае она благодарить будет вас за такой замечательный подарок. Как можно солировать на китайских фанерных коробках? Скрипка – это ведь даже не гитара, к которой гораздо меньше требований, скрипка – это какой-то невероятный собственный музыкальный мир, погружаясь в который, не побоюсь сказать, постигаешь Бога. Не меньше, Женя! Так вы согласны на моё предложение? Другое я просто не приму.

– Не знаю. Согласен, наверное, – неуверенно протянул Евгений, слегка заикнувшись на букве «н». – Мне лишь бы дочке понравилось.

– Хм... А давайте сделаем так. Сейчас мы с вами расстаёмся, а как ваш инструмент будет готов, вы приедете за ним ко мне вдвоём. А уж я постараюсь организовать встречу вашего сложного ребёнка и передачу ей скрипки Льва Горшкова так, чтобы для неё это было и приятно, и незабываемо. Она ведь никогда не бывала в гитарной мастерской, не видела этой тайной лаборатории, где зарождаются звуки музыки.

– В принципе, вариант. Главное Оленьку уговорить, понимаете? Там ведь и бабушка не в ту сторону стимулирует

её мозги, и своих тараканов – хоть отбавляй, да и самому бы в себе разобраться и со своей девушкой тоже...

– Если могу быть чем-то полезен– звоните. И уж извините, что не стал побуждать вас к глубоким откровениям на сложные семейные темы. Вижу, что вам тяжело и без них, а я вовсе не психолог, порой себе не в состоянии дать дельный совет.

Анатолий Иванович набросил на плечи свой чёрный рабочий халат, показывая клиенту, что разговор подошёл к концу и пора прощаться. Евгений это сразу понял, поставил пустую кружку на край верстака, пожал руку мастеру и достал из портмоне новую пятитысячную купюру.

– Это аванс, Анатолий Иванович.

– Мы о цене, вроде бы, не договаривались. Не бросайтесь деньгами.

– Отказа я не приму, – твёрдым звонким голосом сказал Евгений. – Тем более, что вы взяли на себя обязательство провести куда более сложную работу, чем ремонт скрипки – это сделать небольшой праздник для Оленьки. Она ведь разучилась ценить хорошее. Весь мир для неё – плохой. Постарайтесь, пожалуйста, Анатолий Иванович. Кстати, я тоже плохой психолог, ещё хуже детектив, но кое-что заметил. Судя по обстановке на кухне, в мастерской, по вашим помятым брюкам, недомытой кружке где-то и у вас не всё в порядке в отношениях с женщиной. Угадал?

Мастер скромно, словно виновато, улыбнулся, растянув

на всю ширину худого лица свои густые поседевшие усы. «Почти», – подумал Анатолий, но не ответил. Чаепитие завершилось умиротворяющим и многообещающим консенсусом. Этого на сегодня было достаточно.

IV

Когда Анатолий Иванович был просто Толей, он ещё не знал, что станет музыкальным мастером. Вряд ли кто-то в беззаботном детстве может предсказать, куда заведёт его кривая многообещающей жизни. Кто-то мечтал быть космонавтом, кто-то дипломатом, писателем или футболистом, а Толя мечтал стать гитаристом в каком-нибудь известном на всю страну вокально-инструментальном ансамбле. Или создать свой ансамбль, такой, как его любимые «Поющие гитары» или неподражаемые «Песняры», только ещё лучше, чтобы солидно, а не однотипно по-советски прозвучать на всю великую страну. И обязательно прославиться там, на таинственном и неизвестном Западе.

Что такое Запад, Толя представлял себе смутно, в основном делал выводы из разговоров взрослых. Отец Иван Анатольевич читал газеты, иногда делал это вслух, и часто повторял: «Брешут наши, что у них там, на Западе всё загнивает. Загнивало бы, давно подняли по всему миру революции и установили социалистический строй. Как у нас, или хотя

бы как у тех венгров и югославов. А так ведь глянь, живут, сволочи, и неплохо живут. Песни поют, в футбол хорошо играют, да и в хоккей тоже умеют. Шведов, вот, мы разбили под Полтавой, а на чемпионате мира еле-еле победу в финале выдрали: шесть – четыре. Нет, брешут наши, не договаривают нам что-то, за свои должности и своё благополучие беспокоятся, чтоб рабочий класс не возбужал».

Толина мама Надежда Григорьевна недовольно, но с улыбкой на губах сдвигала тонкие брови и всё повторяла: «Хватит, Вань, тебе за эту политику. Что тебя не устраивает в нашей жизни, рабочий класс? Дом есть, работа есть, зарплата неплохая, на море отдыхаем, в больницах лечимся. Вон, Толик в школе советской учится, между прочим, у нас на работе как-то директор стройтреста сказал, что советская школа, высшая в том числе, выпускает лучших специалистов. Это даже у них там, в Америке признают».

«Да я не за то, это и так понятно, – обижаясь, ворчал отец, – я за то, что врут наши. Вот, что обидно. Не ввали бы, глядишь, и народ бы по-другому как-то всё понимал, что там, на Западе, конечно, наши враги, но не такие уж они и дураки со своим капитализмом. Не такой уж их капитализм и негодный строй. Я не за то, что нам надо ломать то, что построили и что ещё настроим, в смысле социализм, а за то, что честными надо быть хотя бы перед собой. Тут ведь, глянь, что творится. На твоей же стройке ваш директор берёт вас в рабочее время дачу ему ремонтировать. Было? Было! И пла-

тит вам какие-то копейки, а иногда и на халяву, за паёк и трудодень пахали. Было? Было! А это элемент капитализма, эксплуатация человека человеком. Или скрипку мы Толику брали, помнишь? Госцена – восемнадцать рублей, а мы отдали двадцать восемь – червонец сверху продавщице из универмага. Ох, и морда у неё страшная, как ядерная война! Кому мы отдали этот червонец? Стране? Нет, отдали в карман скрытой капиталистке. И куда ни глянь – везде так – в ЖЭКе дай трояк, в кассе аэрофлота – дай рябчик, пива возьмёшь – хоть на копейку, но обязательно обсчитают. Ездят, вон, по улице эти коробейники, металлолом собирают за свистульки свои. А осенью картошку с машин продают. Кому идёт доход, государству? Нет, коробейникам. Костюмы наши мы где шьём? На дому у Вальки-модистки. А шапки нутряные кто в городе шьёт? Петька Суриков, двоечником был у нас в школе, зато в цеховики вырвался. И государство ему ни по чём. Так вот я и говорю, что капитализма и у нас хватает, только признаться в этом никто не спешит. Зато грязью брызгают на тех, кто не скрывает, что у них там, на Западе, барыги – это нормально и законно. Тогда и у нас надо это дело узаконить, раз не могут победить. Государство должно быть честным, государство должно мочь, иначе и не государство это вовсе, а какая-то базарная торговля».

Мама глубоко вздохнула, укоряла отца, что он крамольные вещи говорит при сыне, и всегда пыталась сменить тему разговора. Отец Толика трудился старшим мастером в местной

типографии. Именно поэтому в доме всегда было полно газет. Отец их брал бесплатно, приносил домой, раздавал соседям, чтоб читали, повышали свой политический кругозор, а потом обсуждали на вечерних уличных посиделках с картами, лото или домино.

Толику тоже не нравились отцовские политические философствования, потому что в школе учителя говорили о Стране Советов совершенно другое. Толик любил отца, но авторитет учителей в этом вопросе был выше. Ментальный компас уже тогда указывал мальчишке собственные русла детских исканий. Толик любил свою страну, но, читая книги иностранных писателей, понимал, что у других народов есть не меньше поводов любить свои родины, их историю и культуру, гордиться ими, так же, как делают это наши люди.

Но больше всего хотелось Толику, чтобы жители капиталистических стран могли позавидовать ему в том, что он живёт в лучшей стране мира Советском Союзе и играет в знаменитом на всю планету ансамбле. Мама говорила, что для этого нужно много учиться. Толик же считал, что главное здесь везение, трудолюбие и любовь к Родине. И любить её надо не так, как папа, на работе – правофланговый член общества, а на кухне черноротый его критик. Сам ведь и извивается на все бока, как змей коварный, а во вранье всю страну обвиняет.

Толик часто вспоминал тот день, когда родители решили отдать его на учёбу в музыкальную школу. Как только

выяснилось, что преподавателя гитары в школе нет, хотели поехать в другую, но завуч задержала Ивана Анатольевич и предложила выучить сына игре на скрипке. Сказала, что это тоже струнный инструмент, освоив который, в дальнейшем мальчику не составит труда самостоятельно обучиться игре на семиструнной гитаре.

«Почему на семиструнной? Я хочу на шестиструнке, как Джон Леннон», – протестовал Толя.

«Потому что в нашей стране, тем более в нашем городе, очень сложно найти самоучитель игры на шестиструнной гитаре, мальчик. И в музыкальном салоне у нас есть преподаватели только по семиструнке, а не Джон Ленин», – неумолимо отвечала завуч – полная рыжеволосая женщина с мужским прокуренным голосом.

Так Толю отдали в ничем не примечательную музшколу, где он достаточно быстро освоил и игру на скрипке, и гитару. Всё таки шестиструнную. Которую вскоре и очень кстати подарил ему сосед, дядя Лёня, несколько лет служивший прапорщиком в Германской демократической республике. Оттуда он и привёз слегка поцарапанную сослуживцами «Музиму резонату» с приятно пахнущим палисандровым грифом и нейлоновыми струнами. Таких струн Толя не видел ни у кого ни в городе, ни в области, хотя к тому времени уже успел покататься в составе ансамбля скрипачей по различным концертам, конкурсам и фестивалям.

Эх, славный был в ансамбле скрипач, Боря Васильев. Та-

кие надежды подавал, преподаватели в нём души не чаяли. А вот оно как вышло через годы: главный городской бандит и «дирижёр» бригады рэкетиров – выпускник именно этой музыкальной школы. И непонятно – стыдиться тут следует или салюты пускать.

Когда наступило время поступать в институт, Толю, конечно же, уговаривали ехать в консерваторию. Куда же ещё? Родители Иван Анатольевич и Надежда Григорьевна не могли допустить, чтобы годы учёбы, образование и талант пропали даром. Но Толик совершенно не представлял себя мысленно в роли какого-нибудь скрипача симфонического оркестра. Да и где-то в тайных закоулках души бродили другие сомнения – о том, сможет ли потянуть учёбу в консерватории. Родители наивно предполагали, а располагал Толик.

Перед самыми выпускными экзаменами в школу приехали представители одного из городских профессионально-технических училищ. Вербовали старшеклассников идти учиться на токарей, слесарей и фрезеровщиков. Сначала в актовом зале школы выступила комсомольская агитбригада, а затем всех пригласили на улицу, где перед школьниками, их родителями и жителями близко расположенных многоэтажек выступила рок-группа, составленная из учащихся ПТУ.

На высокие ступени вышли пятеро длинноволосых худощавых молодых людей в пёстрых, узко ушитых рубашках. Подключили на зависть толпе двухъярусный немецкий орган

фирмы «Вермона» с настоящим модулятором в виде кривого металлического рычага под клавиатурой. Болгарские электрогитары при солнечном свете играли яркими красками и звучали насыщенными аккордами. Когда парни запели «Богатырскую нашу силу» – любимую песню Толи, он не выдержал, выскочил на площадку, снял пиджак и, широко размахивая им над головой, под громкий смех собравшихся зрителей и зевак, во весь свой юношеский голос проорал:

«Эх, да надобно жить красиво,
Эх, да надо нам жить раздольно!
Богатырская наша сила —
Сила духа и сила воли!»

На следующий день в кабинете директора школы Толика стыдили целым преподавательским коллективом: сам директор, Павел Дмитриевич, классная руководительница Вера Филипповна, завуч по воспитательной работе Анна Петровна и ещё несколько абсолютно безразличных к происходящему преподавателей, приглашённых для создания внушительной массовки.

«Может, ты Анатолий, действительно хочешь жить красиво? – вёл пристрастный допрос Павел Дмитриевич. – Да и раздольно жить мы все, здесь собравшиеся, никак тебе запретить не можем. Молодым везде у нас дорога, так ведь поётся в одной известной песне? Силы, как мы видим, у тебя много, духа тоже, так тебе не в консерваторию идти поступать надо, а в как раз в это самое ПТУ, к тем битлам, под

которых ты вчера так весело плясал. Станешь фрезеровщиком, будешь свою силу в заводском цехе показывать, чугунные болванки точить. Хорошая перспектива для советского человека. Родители, думаю, будут рады. Правильно, товарищи?»

Собравшиеся дружно закивали головами, сильнее всех, тихо протягивая «да-а-а», старались Вера Филипповна и Анна Петровна. Когда вышли из кабинета директора, они вдвоём подзвали Толю и попросили не принимать близко к сердцу состоявшийся разговор.

Но было поздно. Толик решил идти туда, куда ему предложил директор. Не потому, что не хотел в консерваторию, просто показалось, что навредить самому себе из принципа «назло бабушке отморожу уши» – это мужской поступок. И уже в сентябре в рок-группе известного ПТУ появился новый гитарист – лохматый, голосистый, в расклешённых брюках, а главное – мечтающий покорять мировые сцены.

V

Заблудившейся телегой по великой стране катилась горбачёвская перестройка. Молодая учительница математики Елена Владимировна, тогда ещё просто Лена, в жизни руководителя бригады фрезеровщиков механического цеха завода «Электромаш» Анатолия Ивановича появилась с од-

ной стороны неожиданно, но с другой – знакомство было до неприличия банальным – в ресторане. «Электромаш» шефствовал над школой микрорайона, куда устроилась после института Лена. Анатолий на тот момент играл в заводском ВИА при профсоюзном комитете. Однажды директор предприятия распорядился организовать шефский концерт художественной самодеятельности для учебного заведения.

«Согласно новым веяниям партии», – многозначительно пробубнил директор на аппаратном совещании с руководителями подразделений.

В школу приехали народный хор завода, вокальный ансамбль ветеранов, танцевальный коллектив, несколько доморощенных артистов разговорного жанра, пара бездарных местных графоманов и гордость трудового коллектива – рок-группа «Ветер странствий». Актальный зал был заполнен до отказа – администрация, учителя, обслуживающий персонал, школьники, гости, шефы, работники партийной и комсомольской организаций.

После концерта принимающая сторона организовала в столовой традиционное дружеское чаепитие для талантливых и важных гостей. Чай присутствовал на столах ровно до того момента, как казённо отчеканившие заученные речи представители администраций завода и школы, а также прочие почётные товарищи покинули заведение, отправившись подвести итоги мероприятия в популярный ресторан «Кристалл». Тут же кто-то из народного хора к всеобщему

одобрению занёс в зал столовой ящик азербайджанского вина «Агдам».

«А как же сухой закон?» – визгливо воскликнула сидевшая в гордом одиночестве престарелая преподавательница музыки с покосившимся шиньоном на голове.

«Извините, но сухого не было, только креплёный», – с громким гиканием ответил хорист, вызвав бурные аплодисменты собравшихся коллективов школы и шефов.

В центре женского внимания были всё же не убелённые сединами и золоченные зубными протезами мужчины из народного хора, а молодые и весьма привлекательные музыканты из ВИА. Учительницы, те, которые из незамужних, хитро искря улыбками, весь вечер сжигали их взглядами, заблаговременно разделив между собой будущую «добычу». Осталось только узнать, кто из музыкантов холост.

Первой рискнула раскрыть эту тайну слегка захмелевшая от густого «Агдама» обычно молчунья – Елена Владимировна: «А что так скромничают музыканты, уж не заждались ли их в такой прекрасный вечер красивые и ревнивые жёны? А то могли бы тоже в ресторан, не одному же начальству танцы танцевать, да и кабаков у нас в городе, вроде бы, и без «Кристалла» хватает».

Неженатым оказался только самый младший в ансамбле – Анатолий, он и поддержал манившее приятным времяпровождением предложение. В ресторане «Орбита» он оказался меж двух дам – вместе с Леной на переднее сиденье за-

казанного такси прыгнула её подруга – учительница физики однокурсница Анастасия Валериевна.

«Ты чего, Настя? А твой кавалер где, или не выбрала из широких рядов шефов?», – пока ехали, недовольно спрашивала Лена.

«Там же, где и твой, – заигрывающе скосив взор на Анатолия, отвечала Настя. – И вообще я танцевать хочу. Имею я право или нет? Кстати, кавалер у нас сегодня платежеспособный?»

Анатолий понял, что платить в ресторане ему придётся за троих. А там – как знать, возможно, кто-то из девушек, которые обе и сразу очень понравились, раньше выйдет из создающегося романтического треугольника. Во всяком случае, он надеялся, что именно так всё само собой и рассосётся.

Знающие люди говорят, что Бог или некие высшие потусторонние и непостижимые умом человека силы посылают мужчине его противоположность. Для жизненного воспитания или перевоспитания, чтобы по итогам грядущих неизбежных переживаний да прегрешений и судить потом душу мужика судом, равного которому на всей планете Земля нет. Мечтает парень о невесте-красавице, получает хроменькую и болезненную – либо сразу, из любви да собственной жалости, либо через годы, которые не берегут девичью красоту и здоровье. Хочет мужчина женщину тихую, обязательно получит в жёны неугомонную говорунью.

Лена по молодости была противоположностью Анатолия.

Он разговорчивый, она скупая на слова, он трудолюбивый и, а она с ленцой. Постельные темпераменты только сходились. Тем и перетянула на свою сторону от шумной и настырной Настюхи. И хотя долго потом пересекались на перекрестках судьбы жизненные линии Анатолия Ивановича и Анастасии Валериевны (однажды, чуть не клюнул будущий гитарный мастер на волшебные чары школьной физички), но Елена Владимировна оказалась ему и душевно ближе, и умом. Да и беда на них свалилась общая, а беда, как известно издревле, роднит людей.

Сталось это так. Уже когда были Лена и Анатолий в законном браке, зачастила в их дом назвавшаяся кумой Настя. Закрутила черноглазая колдунья в своём бездонном омуте чужого мужа, да так увлекла, что захотелось ему отрезать всю прошлую жизнь, просто взять и забыть, начисто стереть и в бытии, и в памяти, словно не было ничего. И рвануть в сладкую, танцующую свежими красками, неизвестность, в которой и начать всё с нуля.

Мучились все – и сам Анатолий от внезапно нахлынувших любовных чувств, и Елена – от игольчатой ревности и душевной неизвестности, и Анастасия Валерьевна – то от неразделённого, но такого близкого счастья, то от стыда перед лучшей подругой, негодующими родными и судачащими коллегами. Неподъёмным бременем давил на её тонкие плечи груз греха возможной разлучницы, разум делился на части от осознания всей катастрофичности соткавшейся си-

туаации, да сердцу, как говорят, не прикажешь.

Ушла из школы, навсегда покинула её, и ринулась туда, где все в те годы искали возможности, – в торговлю, на рынок. Но не за лишней копейкой, а за сочувствием людским, где и народ попроще, и за тем, чтоб закопать болящие бороны любви своей бестолковой. Да не помогало и это. Запал в душу Толик, так затравил, что порой выходила бессонными ночами Настя к косо сшитому рукаву реки, смотрела в чёрную водную глубь и чаяла сродниться с бурным потоком, навек отдав ему и и молодость свою, и любовь несостоявшуюся. Но тут заболел первенец Анатолия и Елены – Володя. Крепко заболел.

Родился он слабеньким, ручки нежные, ножки тонкие, лицо бледно-синюшного цвета. Всё младенчество колыхала его невидимая сила, да так сильно, что порой сознание терял в силках болей и страха. Сначала врачи не могли поставить точный диагноз, лечили сразу от всего, что только подбирали на их консилиумы лечебные протоколы и докторская интуиция. А потом сказали, что у Володи врождённый порок сердца, дожить до совершеннолетия – один шанс на сто. Увы, этот шанс достался какому-то другому ребёнку. А Володю похоронили пятилетним.

Через год в семье Анатолия и Елены появилась на свет Анечка. Родители очень боялись, что и у дочери есть какое-то скрытое врождённое заболевание. Но Аня росла здоровой и жизнерадостной девочкой, любимицей всей семьи –

мамы, папы, двух бабушек и дедушки Ивана Анатольевича.

К тому времени Анатолий Иванович поменял уже несколько заводов. Распалась Страна Советов, порвались протянутые между министерствами и предприятия связи, заводы стали сокращаться и разоряться один за другим, а за жизненным горизонтом не виднелось никаких добрых перемен. В это время часто припоминал сын состарившемуся Ивану Анатольевичу его разглагольствования о капитализме.

«Вот, батя, твой капитализм к чему приводит. Хотели – получите, распишитесь. Только не правды, свободы и порядка, а разруху, бандитизм и нищету во всей красе, – бурчал Анатолий. – В хоккей, говорил, они играют... Вот, помнишь был у них хоккейный клуб «Квебек Нордикс»? Помнишь. А «Виннипег Джетс»? Да-да, те самые, что против сборной Союза играли. Были, да сплыли, нет теперь больше этих команд. Такой он, капитализм. Всё сжирает ради чьих-то прибылей. И санаторий твой, где ты лёгкие и спину лечил, всё! Нет санатория, только рожки, ножки, да обшарпанные серп и молот на фасаде».

Распался и очередной музыкальный коллектив, в котором играл Анатолий. Не получилось у него создать ансамбль юношеской мечты. Кто-то уехал из города в поисках высокооплачиваемой работы, кто-то вместе со своими талантами и навыками тонул в спиртном. Чтобы раздобыть денег для семьи, решил Анатолий продать свои гитары, а их было

целых четыре – две электрических, две акустических, фирменных. Покупатели нашлись быстро, но оказались людьми непростыми, грамотными, требовательными, с запросами.

«Инструмент ваш в целом неплохой, но состояние его оставляет желать лучшего, перепродать его нереально. Если отдадите за половину назначенной цены, то я заберу», – так сказал самый первый явившийся покупатель, скупщик бывших в употреблении вещей. Второго покупателя не устроило положение гитарного грифа: «Он стоит у вас как-то косо, как вы вообще на ней могли играть?» Третий обратил внимание на «неродной» верхний порожек, который Анатолий действительно вытачивал на фрезерном станке сам.

«Гриф косо? Порожек неродной? За половину цены? Да как бы ни так!», – возмутился Анатолий и отнёс свои гитары на завод, где проконсультировавшись со столярами, электронщиками и малярами и задержавшись после нескольких рабочих смен, привёл их в идеальный порядок. Покупатели остались довольны, но главное, что работу мастера оценили коллеги. В цех к Анатолию они стали приносить свои неисправные инструменты: «Шабашку тебе доставили. Сделаешь сыну моему?».

Когда в кладовой фрезерного участка уже негде было складировать ремонтируемые гитары, скрипки и разные мандолины, Анатолий стал брать работу на дом. Так в гараже дома и организовалась мастерская. А когда по заводу прошла очередная волна сокращения штатов, держаться за

рабочее место и производственный стаж уже не оставалось никакого смысла.

Работы хватало с головой. Платили клиенты не много, но на хлеб, масло и конфеты для Анечки зарабатывать получалось. Довольной была и Елена Владимировна – муж всегда дома, дочь под присмотром, не надо ждать сроков выплаты аванса и зарплаты мужа, всегда живая копейка в кошельке.

И вообще – никогда не видела Лена своего мужа на рабочем месте. Заводы все – за высокими бетонными заборами, со строгими проходными и пропускными системами. Не пройти, ни заехать постороннему человеку, чтобы хоть одним глазком взглянуть. А тут работает Анатолий за столярным верстаком – весь подтянутый, сосредоточенный, с инструментами и станками управляется легко и уверенно. Одно удовольствие наблюдать за работой своего любимого мужчины.

И гитары-скрипки-балалайки из-под рук Анатолия выходили как новенькие – ровные, блестящие, звучные, приятно пахнущие свежими лаками. Забирают люди такие инструменты, и все, как один, благодарят за работу мастера, но и жене за его золотые руки «спасибо» перепадает. Кому неприятно будет? За такое и во второй раз влюбиться в собственного мужа не грешно.

А когда выросла дочка Аня, уехав в Москву учиться, после выйдя замуж за своего сокурсника, то и вовсе прикипела Елена Владимировна к Анатолию Ивановичу всей широтой

своей женской любящей души. И даже недостатки характера мужа стали с годами казаться преимуществами. Говорливый? Так и послушать есть что. Считаю, политинформацию без телевизора и сети Интернет проведёт, пока на кухне суп хлебает. В свою очередь и Анатолий видел в жене и свою силу, и вдохновение, и утеху, и счастье мужское. Ненасытно хлебал глазами её верную нежность и упоением благодарил сияющую твердь небес за льющийся в сердце водопад любви.

VI

Когда погибла мама Оленьки – Татьяна, многие в городе обвиняли в смерти её мужа – предпринимателя Евгения Борисовича. В электронной версии одной из местных газет незадачливый репортёр буквально так и написал: «...Основная версия гибели женщины – самоубийство, мотивом которого могла стать измена мужа...».

У нас ведь как? Если газета написала, то так оно и есть. И никто не обращает внимания, что это только версия – то ли следователя, то ли самого репортёра, а, может, и вовсе прохожих зевак; и что измена Евгения всего лишь могла стать мотивом самоубийства. А могла и не стать.

Впрочем, кого волнуют такие детали? Главное зажечь интригу, а там как масть разноцветная ляжет. Пусть обвинённый людской молвой предприниматель Евгений Борисович

Васильев отдувается, тем более, что многие в городе его недолюбливали из-за старых делишек отца в суровые девяностые годы двадцатого столетия.

«Яблоко от яблоньки недалеко укатилось. Тот людей без суда и следствия казнил, земля ему стекловатой, и этот мажор туда же», – судачили люди.

Но мало кто из них мог и хотел бы понять самого Евгения, потерявшего отца в шестилетнем возрасте, и фактически без каких-либо протезе и чьего-то влияния построившего свою внешне благополучную жизнь. Самое ценное из материального мира, что досталось Евгению от отца Бориса, – это квартира в центре города, небольшая загородная дачка из двух комнат и та самая скрипка без душки, много лет пролежавшая среди вывезенных из квартиры старых ненужных пожитков на пыльном чердаке.

Несмотря на прилипшее неудобоваримое сравнение, Евгений не был похож на отца. Борис Михайлович Васильев выделялся крепкой мускулатурой, высоким ростом, круглым розовым лицом с глубоким длинным шрамом, перерезающим подбородок поперёк – последствие детских уличных драк. Евгений Борисович пошёл в мать, волосы, в отличие от отца, чёрные, лицо узкое, скуластое, роста среднего, бицепсов на руках не было. Разве характер достался волевой. С бурным негодованием всегда говорил матери: «Почему они все меня сравнивают с отцом? Ну, почему?».

«Таковы люди, сынок. Всем платки на рот не наденешь», –

вздыхала мать.

Женился Евгений скорее не по любви, а, как говорят, по «залёту». Беззаботная студенческая жизнь на факультете экономики, первые робкие отношения с девушкой, которые поначалу казались вполне серьёзными. Но, побывав в интимной близости и удовлетворив плотскую страсть, Евгений быстро ощутил и всю обременительность любовных уз и взаимных обязательств друг перед другом.

Узнав о беременности Татьяны, сначала заявил, что алименты платить готов, но никакого брака быть не может. Однако по мере роста Татьянинного живота и сложного мужского осознания, что в нём бьётся родное сердце, Евгений сменил свою непримиримую позицию. Окончательное решение жениться пришло вместе со смертью матери Евгения Борисовича. Как оказалось, и родных-то вокруг никого не осталось, если не считать проживающей в Казахстане двоюродной тётки, не приезжавшей в гости лет десять или пятнадцать.

Жизнь в браке изначально не ладилась. Татьяна оказалась до безумия ревнивой женой, позволяла себе бестактные выходки в отношении представительниц прекрасного пола, по делу или случайно крутнувшихся в орбите деятельности Евгения. Могла запросто явиться на работу в офис и, не чувствуя конфузности ситуации, потребовать увольнения той или иной не понравившейся чем-то сотрудницы. На том только основании, что она законная жена руководителя.

Несколько лет он терпел неуместную ревность и невоспитанность жены, боясь, что излишняя его твёрдость может привести к семейному кризису, что негативно скажется на его возможности растить и воспитывать Оленьку, чувствуя себя при этом полноценным отцом и важным человеком в жизни дочери. Но потом в жизни Евгения появилась она, его новая избранница Юля – продавщица в парфюмерном магазине, девушка без высокого образования, но с правильным воспитанием, хорошей интуицией, божественной фигурой и печальными как вечерний закат глазами. Именно эти глаза, в которых, казалось, читалась усталость, но в то же время всепоглощающая нежность, и сразили Евгения.

Встречались тайно, нечасто, встречи были как ток острыми в прикосновениях и как мармелад приятными на вкус. В какой-то момент Евгений понял, что ему нужна квартира для обустройства параллельной семейной жизни. Взял кредит, купил в центре города двушку, работать сразу пришлось гораздо больше, а внимания семье уделять куда меньше. В какие-то моменты Евгений Борисович перестал понимать: где, в конце концов, его настоящая семья, где и с кем ему лучше, а где и с кем хуже. В одной квартире, в отцовской, его любимая дочь Оленька, в другой, новоприобретённой, – его желанная девушка Юля. Пропала даже та полная недосказанностей и сложных моментов иллюзорная гармония в жизни, в которой Евгений пытался сам себя убеждать.

Было время, он критически, с неким пренебрежением от-

носился к мужчинам, ведущим двойную жизнь – с женой и любовницей. «Как так можно – никакое же сердце не выдержит этого пребывания во лжи. Зачем мучить себя и жену – ведь существует развод – вполне легальный и давно апробированный человечеством способ выйти из сложной жизненной ситуации», – думал Евгений. А оказавшись в ней сам, понял, что не так-то уж и просто принять однозначное решение, а ещё сложнее сказать о нём той, кто с грубым повелением смотрит тебе в глаза, подозревая измену. Но однажды это случилось. Неприятный как засыхающая смола и тяжёлый, словно чугунный крест, разговор завела сама жена Татьяна.

«И давно это у вас?», – начала она с банальной фразы, давно известной ей по просмотру многосерийных мыльных сериалов. Начала так, словно всё до мельчайших подробностей о мужнем романе на стороне ей известно, отпираться бесполезно, врать тоже, остаётся только честно всё признать, упасть в ноги и жалобно молить о прощении.

Машинально, вероятно, для того, чтобы выиграть несколько секунд на обдумывание дальнейшего ответа, Евгений хотел переспросить – «что ты имеешь в виду?» – но вовремя понял неуместность манёвра встречным вопросом, и ответил прямо: «Уже давно. Давно и серьёзно, если тебя, конечно, волнует именно это». Замолчали оба. Липкая тишина наполнила модно обставленную мебелью и дорогими сервизами просторную кухню. В ней никогда не было кома-

ров, но, казалось, что их раздражающий писк слышен из-за соседской стенки. А потом у Татьяны началась истерика – настоящая или показательная разобрать было невозможно.

После долгого и протяжного нецензурного крика, сопровождавшегося заламыванием рук, вырыванием волос, падениями на пол, выпив чашку воды, растрёпанная и краснолицая Татьяна громогласно выпалила избитое, едва ли не заученное клише: «Я не дам тебе развод!»

«Квартиру и машину оставляю вам с Оленькой», – сказал Евгений.

«А бизнес?! Или ты думаешь отделаться малой кровью?!», – закричала Татьяна. Стало понятно, что на развод она уже почти согласна, но теперь начался вполне предсказуемый материальный торг. Впрочем, к этому разговору Евгений был морально готов давно. Ведь что, в сущности, представлял собой его бизнес? Арендованные офис и складское помещение, стандартный набор оргтехники в духе минимализма, расчётный счёт в банке, небольшой коллектив. Евгений был готов отдать Татьяне всё и начать бизнес заново, лишь бы сохранить отношения с дочерью и поскорее закрыть эту страницу жизни получением свидетельства о расторжении брака.

«Что интересуется, принадлежит тебе. Адвоката пришлю, это будет твой адвокат, а не мой, он будет в суде работать в твоих интересах, против меня. Но отдам я всё не тебе. А Оленьке. Вот так. Понятно?», – ответил Евгений Борисович

и, поскользнувшись в длинной узкой прихожей на скользком немецком ламинате, выскочил из квартиры в подъезд. В этот момент его стошнило, как будто вышла из внутренних глубин накопившаяся за несколько лет чёрная бурлящая энергия. И сразу полегчало, чище стало дыхание, отчётливей очертания окружающего мира, даже пение уличных птиц, на которое годами не обращал никакого внимания, вдруг обрело какое-то магическое, неповторимое звучание.

VII

Когда для Евгения закончились все судебные мытарства, связанные с разводом и разделом совместного имущества, которое, как и было оговорено, досталось Татьяне, начался новый головоломный период – построения иной жизни. Где любимый человек, ничего не опасаясь и никого не таясь, мог жить рядом, в пахнувшей скромным бытом прежних хозяев, ещё не отремонтированной квартире. Но в этой обрастающей позитивным равновесием жизни не было другого – полноценного общения с Оленькой. Дочь по решению судебных органов осталась с матерью, и видаться с ней теперь можно было только два раза в неделю. Евгений Борисович превратился в воскресного папу.

«Кто придумал такой дурацкий закон – оставлять детей исключительно с женщинами? Почему не с мужчинами? –

часто думал Евгений, желая поделиться этими мыслями с Юлией, но боясь это сделать из-за риска быть непонятым. – О гендерном равенстве они рассуждают. Но где оно, это равенство? В армии служат и на войне воюют мужики, причём в беспрекословном, в принудительном порядке. На работу в полицию или в спасатели баб берут просто так, а мужик должен обязательно отслужить в стройных рядах наших Вооружённых сил. И право на воспитание детей принадлежит бабам! С какой стати? Покажите мне этого умника, кто это придумал! А если баба дура, если у мужика лучше условия для жизни и полноценного воспитания ребёнка!? Как тогда быть? «Я же мать», да?! А отцов на свалку?! Нет никакого гендерного равенства, потому идохнем мы лет на пятнадцать раньше женщин. Пойди-ка, поищи старых вдовцов, все разобраны до единого. Зато вдов – ходи и спотыкайся. Сидят во дворах, семечки лузгают, и нас же обсуждают и осуждают... Понимаете? Эх!»

Несмотря на больно донимающие нутро едкие грустные мысли, новая жизнь Евгения налаживалась и в какой-то долгожданный момент потекла густым киселём. То, что досталось от остатков фирмы Татьяне, сразу был понятно, впрок ей не пойдёт. Бизнес же Васильева потихоньку восстановился, все старые поставщики медицинского оборудования и материалов остались на месте, никуда не делись и приобретатели продукции. Юля, хоть до конца и не чувствовала себя полноценной хозяйкой в квартире, старалась угодить граж-

данскому супругу.

Так сложилось по карте судьбы, что не удалось Евгению приобрести друзей. Партнёров – да, приятелей – хоть черпаком отсыпай, да таких, на которых угощений и пива не напасёшься, а вот изо всех друзей самым преданным и важным оказалась смуглая красавица Юлия, хоть и есть на свете убеждение, что не может существовать настоящей дружбы между мужчиной и женщиной. В этом деле, наверное, всё зависит от того, в какую сторону заточились отношения между ними – равноправия и уважения или деспотизма и подчинения.

Лишь одна маленькая деталь в обхождениях с Юлей изредка тревожила Евгения. Изливая ей душу по поводу Оленьки, не чувствовал он взаимного течения всепроникающих флюидов. С прохладцей принимала Юля любое упоминание о дочери, может, потому, что материнская ревность отрицала существующую данность, своих-то детей ещё не было. Лишь кивала в ответ на прицепившееся некогда к Евгению слово-паразит «понимаешь?»

«Что ты можешь понимать? – думал Евгений. – Человек вообще не может понимать другого человека, не дано ему. Чтобы понимать, надо вселиться в чужое тело, пожить в нём, переболеть с ним, мысли тревожные пропустить через себя. Вот сопереживать человек может. Почему люди, когда ты им душу открываешь, на жизнь жалуешься, всегда так дурно отвечают – «понимаю»? Думал так Евгений Борисович, но от

вредной речевой привычки вставлять это слово к месту и ни к месту избавиться не спешил.

Бытие новой семьи разменивало мерные жизненные минуты и часы, и вот в один из насыщенных суетных дней Евгению позвонил его адвокат и сказал, что Татьяна, будучи за рулём, погибла на дороге. Почти что в самом центре города. Следователь, допрашивавший Евгения Борисовича, допустил, что смертельный манёвр мог быть осознанным, но допущение служивого к делу не пришьёшь. Погибла, не справившись с управлением транспортным средством, которое так и не переоформила на себя.

Юридическая безалаберность стояла далеко не первой в длинном перечне человеческих недостатков Татьяны. Теперь в этот набор добавилось и материнское безразличие. Посмертно. Оленька осталась одна.

«Какая муха эту Таньку укусила?! – сокрушался Евгений. – Матерью всё себя несла на суде, грудь вперёд, чёлка назад. Сумасшедшая! Чёрт, что же ты натворила, дура?! Теперь лежишь вся напояженная в деревянном ящике среди глины и камней, кому от этого лучше стало?»

Несмотря на возражения, Оленьку забрала к себе бабушка – мать погибшей Татьяны. Возражения были аргументированные, даже ультимативные. Особенно после того, как приехавшего на Татьянины похороны Евгения буквально вытолкали из ритуального зала её родственники.

«Чего припёрся? И совести хватило! Нет у тебя ни жены,

ни дочери! Сам этого добивался, вот и добился!» – несло с разных сторон.

«Уходи, и не являйся к нам больше никогда! Слышишь?!» – сказала бабушка Оленьки.

Через пару дней, подкараулив дочь возле школы, Евгений попытался с ней заговорить, но обнаружил в глазах девочки невиданную никогда ранее лютую неприязнь. Что случилось с доброй, тихой и весёлой Оленькой? Какая фантазия и боль посетили её неразгаданное сердце? То ли обезумевшая от потери дочери бабушка уже успела перенастроить все волны в её несформировавшемся сознании, то ли сама трагедия оставила свой чёрный отпечаток в душе ребёнка.

«Мама сказала, что если с ней что-то случится, то в этом будет виноват папа. И случилось! Значит, ты виноват во всём! Ты! Мама любила тебя, а ты нас предал», – воскликнула Оленька и, сглатывая катившиеся по щекам слёзы, побежала по проспекту прочь от отца в сторону бабушкиного дома.

«Вот такой поворот, что делать – не знаю», – пожаловался Евгений лучшей подруге Татьяны, с которой изредка, на всякий случай, поддерживал контакты. Он знал, что нравится подруге, но никогда не позволял ни себе, ни ей перейти тонкую грань, за которой густеет туман других, более откровенных, отношений. Вот и в этот раз, выбрав для встречи тихое кафе, Евгений заказал только чай, сразу очертив дистанцию и короткое время беседы.

«Ты знаешь, Жень, всё не так грустно, как тебе кажется, – приятным бархатным голосом телеведущей успокаивала подруга. – Во-первых, нужно время, чтобы все переболели, так сказать перешли в стадию ремиссии, а сейчас у вас самый пик обострения – и у тебя, и у дочки, а уж бабушке так сам Бог велел. Во-вторых, не вздумай там на волне новых чувств отказываться от дочки, ни при каких обстоятельствах. Сам себе этого потом не сможешь простить. Закон на твоей стороне. Любой чинуша из органа опеки тебе это подтвердит. Осознаю, что в некотором смысле это звучит нелепо – собственную дочь вырывать из рук бабушки, но подай в суд. Пока у всех в головах устаканится мысль о безвозвратности потери Таньки и о бесперспективности враждовать с тобой, там уже и решение суда созреет. Если, конечно, тебя такой вариант устраивает. Не будешь же ты девчонку воровать? Тебе и раньше надо было этим беспокоиться. Знал ты или не знал, но после вашего развода Танька бухала сильно. Так бухала, что соседи полицию вызывали. Невменяшка полная. Вот тогда бы ты точно смог забрать Ольку. Кстати, как твоя новая, примет её?»

Что ответить на этот вопрос, Евгений не знал. Настроение Юли в эти дни менялось как погода в открытом океане. То она жалела Евгения, то Олю, то себя. Он задавался этой дилеммой, и не один раз, но Юлия уклончиво уходила от однозначного ответа. Вот и Евгений решил оставить без пояснений вопрос Танькиной подруги, решив: «Не слабоумная,

поймёт».

VIII

Прошло два месяца. Суд Евгений Борисович выиграл. Забирать дочь приехал без приставов, но копию решения суда через приоткрытую дверь бабушке Оли протянул.

«Надеюсь, вы не станете делать ничего дурного, Елизавета Афанасьевна?» – спросил Евгений.

Всегда аккуратно причёсанная, подтянутая, ровная, как гитарная струна, Елизавета Афанасьевна открыла дверь шире и, протягивая сумки с вещами внучки, ответила: «Всё, что могло дурного произойти, уже произошло. Мяч на вашей стороне, Евгений Борисович. Сможете найти общий язык с Оленькой, Бог вам в помощь. Ну, а не получится, я тут вам ничем не помощник. Да и возраст уже не тот. Вы суд затеяли, вам и карты в руки. Против суда я, извините, не попру... Оленька, хватит прятаться, папа никуда без тебя не уйдёт».

«Про дурное я имел в виду звать на помощь соседей или родню. Или там призывать потусторонние силы, – принимая тяжёлые сумки, попытался оправдаться за неудачно подобранное слово Евгений. – А то знаете, бывают случаи, когда ходят по всяким бабкам, ведьмам, магам, колдуньям, привороты, отвороты заказывают. Это я к тому. Мне кажется, мы цивилизованные люди, и сможем находить общий язык даже

в самых непредсказуемых сложных ситуациях. Оленька такая же ваша родная кровь, как и моя. Да и мамы у меня нет, и папы тоже. Так что, извините, если что, но номер телефона мой у вас есть...»

Последние слова слегка тронули, кольнули в сердце Елизавету Афанасьевну. Она подумала, что ведь действительно – никого из родных у молодого человека в этой жизни не осталось. Ни братьев нет, ни сестёр, да и тётка из Казахстана за десяток лет – ни приветов, ни ответов.

«Оленька! Ты долго ещё будешь собираться?!» – примиряющее крикнула бабушка.

«Что такое?! Иду!» – необычно грубым шипящим голосом донеслось из спальни.

Всю дорогу, пока Евгений вёз дочь домой, она молчала. Вечер рассыпал звёзды по торжествующему волшебством заходящего солнца небу, на город опускалась мгла непривычно тёплой мартовской ночи. Оля робкими шагами зашла в незнакомую ей квартиру на втором этаже «брежневской» девятиэтажки.

«Почему мы приехали сюда, а не в наш дом?», – спросила она.

«Понимаешь, Оленька, я потом тебе смогу это объяснить, но это уже не мой дом. Эту квартиру я юридически, то есть по закону переписал на... твою маму. Теперь хозяйка этой квартиры ты, но я... как бы тебе это сказать? Я не могу в ней не то, что жить, но даже находиться. Ни по закону, ни по

совести», – путаясь мыслями, сказал Евгений.

«Ясно. А где эта твоя мымра?» – с резкими нотами раздражения спросила дочь.

«Это кто тебя такому слову научил?»

«В сети прочла».

«Отцу грубить и незнакомых тебе людей плохими словами называть тоже в этой сети написано?»

«Так где она?»

«Она сейчас... У своей матери. Мы договорились, что пока поживём отдельно. Пока ты привыкнешь к новому месту. Пока я немного привыкну ...»

«А я не собираюсь ни к чему привыкать. К ней. И к тебе тоже. Тебе надо было, чтоб я жила здесь. Оки. Поживём. А там посмотрим».

«На что ты будешь смотреть, Оленька? Это твой дом. Расслабься, включи телек, вон, компьютер я тебе в спальне приготовил. Вот ванна, в холодильнике шоколадка есть. Хочешь шоколад с чаем? Ты всегда любила...»

«Купить меня решил за шоколадку? Хочешь, чтоб я забыла предательство? Думаешь, что я маленькая и ничего не понимаю?»

Громко топая по давно не знавшим ремонта буковым половицам паркета, Оля прошла в спальню, сдвинула брови, и села в глубокое бархатное кресло. Боясь приблизиться к дочери ближе, Евгений глазами обласкал её собранные в косичку тонкие чёрные волосы, уставшие от слёз набухшие свет-

лые глаза, маленькие дрожащие губы.

«Конечно, все эти взрослые игры изрядно истрепали её нервную систему. Ей нужно время на восстановление, нужен отдых от всего, что навалилось за последний год», – подумал Евгений, успокаивая сам себя.

Медленно потекли новые дни бытия маленькой семьи Васильевых, но отношения между отцом и дочерью не налаживались. Евгений Борисович общался со школьным психологом, привозил домой известную в городе специалистку по немедицинской психотерапии. Устраивали игровые сеансы, нацеленные на преодоление детской психологической травмы. Но и это не помогало.

«Вы знаете, в психотерапии должно быть обоюдное желание убрать проблему. У Оли всё очень сложно: чем больше ты оперируешь с ней, тем сильнее её внутренне сопротивление любым действиям со стороны взрослых, – с печалью резюмировала специалистка. – Это работа, Евгений Борисович, большая работа. На годы. Запаситесь терпением. Увлекайте её чем-то что ли, переключите на тему, которая ей будет интересна».

Оля четыре года ходила в музыкальную школу по классу скрипки. Евгению нравилось это занятие, но, исходя из отцовского и собственного неудавшегося опыта, считал его в жизни бесперспективным. Как детское увлечение – куда ни шло, но как будущая профессия... Для этого надо было родиться как минимум где-то в Москве или Питере, учиться у

ведущих мастеров страны, вертеться на крупных музыкальных фестивалях, участвуя в мастер-классах и прочих творческих мастерских с участием виртуозов. А потом закончить консерваторию, получить место в каком-нибудь симфоническом оркестре, народном ансамбле или профессиональном этно-коллективе. Нет, лишённая высокой культуры провинция подразумевает иные профессии, те, которые будут кормить здесь, на месте.

Однажды за ужином, пользуясь лёгкой оттепелью в настроении, Евгений спросил Ольеньку: «Дочь, а кем ты мечтаешь в жизни стать? Только честно. Где ты себя видишь, кем представляешь? Может, моделью там или дизайнером одежды? »

Оля задумалась. Потом, надув щёки и саркастически улыбнувшись сказала: «Еще чего! Модели все эти дуры набитые. Пока молодые, кому-то нужны, а чуть форму утратили, если не фартонуло за крутого папика замуж выскочить, идут в порнухе сниматься. Ничего привлекательного в этом не вижу. А тебя на моделей потянуло, да? Так что ж твоя-то так долго не приходит? Денег нет? Или меня боится? Правильно, пусть боится. Не думай, я не только тебя ненавижу, но и её тоже. Не появилась бы она, и мама была жива».

«Оля, как ты можешь такое говорить?», – вспыхнул Евгений.

«А что такого? Она ж модель, ноги от ушей, волосы ниже попы. А для меня это зашквар. Я хочу быть музыкан-

том, скрипачкой. Тоже на сцене выступать, в студии работать, блог открыть, клипы писать, до самой старости, кстати, можно. Но без вот этого, без ... В общем ты понял... Мне бы только скрипку хорошую, а не эту раздолбайку лажающую – ни настроить нормально, ни шестнадцатые сыграть, пальцы заплетаются от усталости...»

В этот момент Евгений Борисович вдруг вспомнил о хранящейся на чердаке отцовской дачи старой растрескавшейся скрипке. Точно! Сам ведь её туда отправил, когда делал ремонт в родительской квартире. А потом запамятовал. Оленька тогда ещё была маленькой. Посчитал скрипку ненужным хламом, занимающим место. А вскоре купил другую, китайскую, новую и красивую. «Раздолбайку лажающую».

Интересно, сохранилась ли? Не забрались ли бомжи и дачные воры на чердак двухкомнатного домика за городом? Как-то раз был такой случай, вызывали сотрудников полиции, составляли акт. Украли только кухонную утварь, чердачная ляда осталась закрытой на замок. После этого пришлось привезти сварщиков, заменить дверь и соорудить решётки на трёх окнах дачного домика.

Евгений Борисович оставил ужин недоеденным и, на ходу сказав дочери, что нужно срочно отъехать по делам, отправился на дачу. Решил не откладывать дело в долгий ящик. Дочь, конечно же, решила, что отец поехал развлечься и отдохнуть от работы и родительских забот к своей «мымре».

Доехав до пункта назначения, в перевозбужденном состо-

янии Евгений загнал джип в мокрый от непрекращающегося дождя поросший высоким бурьяном двор, отвинтил замок четырехмиллиметровой стальной двери, вошёл внутрь и поднялся по стоявшей у стены стремянке на чердак. Электричества здесь не было, поэтому подсвечивать пришлось, включив экран мобильного телефона.

Чего здесь только не накопилось за долгие годы с того дня, когда дед решил обзавестись дачным домиком. Антикварная детская коляска, сетки от советских кроватей (и как их только затащили сюда, через крышу что ли?) огромные алюминиевые и эмалированные кастрюли (хорошо, что бомжи не успели вытащить), причудливой конструкции медный саmogонный аппарат(было ж время!), крашенные белой краской карнизы, разбитая дедовская гитара, старинные слесарные инструменты, резные полки из настоящего дуба, детские книги и журналы, заботливо кем-то укрытые полиэтиленовой плёнкой... А вот под ними и скрипка. Та самая, и именно там, куда её сам Евгений когда-то и засунул, позабыв на целое десятилетие. Сохранилась. Сколько лет и сколько зим бедолашная выдержала в кромешной темноте, в жаре и холоде. Хорошо, что была спрятана между журналами и книгами, завёрнута в целлофан и укрыта.

Где-то тут должен быть и смычок. Евгений сам не заметил, как с интересом уселся на пыльные доски чердака, и стал перебирать страницы старых изданий. Некоторые он видел в детстве, а прочие, вероятно, принадлежали отцу и деду. То-

гда не было Интернета, никто не «висел» в социальных сетях, наверняка, эти книги читали всей семьёй. Это было, наверное, замечательное время, доброе, честное. Отношения между людьми были на много порядков искреннее.

В руки сами попросились «Алые паруса» Александра Грина – старая, потрёпанная книжка в мягкой обложке, за десять копеек. Эту книгу о девичьей мечте и человеке, который смог её исполнить, вслух читала бабушка. Читала так красиво и самозабвенно, что, казалось, вся квартира наполнялась прибрежным шумом волн, криками чаек, манящими запахами моря и жареной рыбы в моряцких тавернах. Даже отец иногда присаживался рядом и внимательно слушал, положив голову на письменный стол. Это были незабываемые мгновения счастья, которых до ломоты в груди не хватает сейчас; дочь Оленька живёт в каком-то параллельном мире, увы, придуманном не ею, а изобретённом и внедрённом людьми, которые управляют этим жестоким и несправедливым миром.

«Как давно я сюда не лазал, – думал Евгений, – как давно не перебирал все эти вещи, которые, наверное, стоят неплохих денег. Впрочем, какие деньги? Им цены нет. Это же история моей семьи».

Найдя облысевший смычок, и с мыслью о том, что нужно как-нибудь выбраться из суеты будней и провести капитальную ревизию на своей даче, Евгений поехал домой. По пути позвонил Юле: «Может, встретимся? Я свободен».

Юля отказалась. Складывавшиеся по кирпичику хорошие отношения с ней вдруг стали давать трещины, и не чувствовать это было невозможно. Но что нужно делать в такой ситуации, как реагировать и латать разломы Евгений не понимал. Складывалось ощущение, что все вокруг либо сошли с ума, либо просто играют какие-то заранее прописанные роли. Что всё происходящее – это разрывающий обёртку души спектакль, который скоро кончится, все смоят грим, переоденут наряды, вернуться в своё нормальное состояние, и жизнь приобретёт привычные краски и очертания.

Скрипку Евгений оставил ночевать в машине. А на следующий день, не обращая внимания на надоевшую дождливую непогоду, повёз её мастеру Анатолию Ивановичу, о существовании которого узнал от одного из коллег.

IX

Что такое ремонт музыкальных инструментов? Для далёкого от сей загадочной кухни обывателя – это рабочий процесс, аналогичный тому, который происходит в мастерских по ремонту сломанных компьютеров, радиоприёмников или износившейся обуви. Что, собственно, такого необычного происходит в маленьком мирке, увешанном еловыми деками, берёзовыми обечайками, кленовыми грифами и всем тем, что позволяет эти части инструментов точить, строгать,

подгонять между собой, склеивать и покрывать лаком?

Однажды один из клиентов спросил у Анатолия Ивановича: «Ремонтируете и отстраиваете гитары вы безусловно. Об этом все знающие люди говорят. А вот сами гитару или скрипку полностью «от» и «до» сделать смогли бы?».

Не задумываясь, Анатолий Иванович ответил: «Нет, не смог бы. Видите ли, дорогой друг, я не Бог. На мой взгляд, хорошие гитары и скрипки могут создать только те мастера, которые достигли уровня Бога. Или которым это дано. Я никогда не стремился к этому уровню, и никогда до него не дойду. Не потому, что не могу или не хочу, или мне жалко денег на покупку соответствующего оборудования и оснастки. А просто потому, что я другой. Я гитарный доктор. А это не одно и то же. Доктор исправляет всё, что не доделал Бог, или что происходит по вине, недосмотру, халатности, безразличию или незнанию людей. И надо отметить, что доктор ещё и получает от этого процесса удовольствие».

Так и закрепилось за Анатолием Ивановичем в музыкальной среде города прозвище «Доктор». Ремонтировать телевизоры и ботинки, наверное, тоже приятно. Если клиент тебя благодарит за труд и мастерство, если сотканная учёбой и сотворённая руками работа кому-то доставляет радость и комфорт, разве это может не нравиться? Но с музыкальными инструментами всё иначе.

В ремонте гитары или скрипки пособляют не только рубанки, ножи, наждачная бумага, струбцины, лаки и клеи.

В этом непростом ремесле необходим и тонкий мышинный слух мастера, и шаманский талант заставлять инструменты петь неповторимым надрывистым колдовством, и, конечно же, исполинская душа – без обрывистых скалистых берегов и упирающихся в облака каменных вершин. Без неё – никак. Вкладывая в ремонт энергию своей природы, мастер делится ею с другими, порой несчастными, обделёнными и покинутыми людьми, эхом Большого взрыва пробуждая в них силу божественного сияния

Пришёл как-то к Анатолию Ивановичу пожилой человек, одет скромно – домашние тапочки, обвисшие мятые шорты огромного размера, белая майка с жирными пятнами. «Я, – говорит, – погорелец, – может, слышали, неделю назад дом сгорел тут недалеко, на улице Аральской? Так вот это мой дом. Всё случилось ночью, все спали. Когда, надышавшись едким парализующим дымом, выбегали с женой во двор, даже документы не сообразили схватить. Всё сгорело. Дотла. Успел только смахнуть с дивана вот эту гитарку, автоматически ухватил, видите, чуток прокоптилась, а так целая, хорошая. Одна беда – не строит и ладит почему-то. Все советские гитары не строят. Может, сделаете что-то? Не могу жить без гитары. Без дома, уже понял, что могу, приютили, обогрели родычи, слава Богу. А без гитары – с ума схожу, только в ней и спасение».

Сидит мужик напротив Анатолия Ивановича, хоть и в годах, а ещё крепкий, кулаки как гири пудовые, и плачет, то ли

от потери всего скопленного за жизнь добра, то ли от того, что гитара не строит. Бог ты мой, да делается твоя гитара! И не такие проблемы – подумаешь, нестрой – решал Анатолий Иванович за годы своей работы.

«Вы, дорогой мой человек, не переживайте, – отвечал мастер, – не такие уж и плохие отечественные гитары, как о них молодые музыканты отзываются. Это от незнания, заразившей всё неизмеримое русское пространство либеральной пропаганды, и, в конце концов, собственной лени. Они ж ведь, наши гитарки, собирались хоть и в фабричных условиях социалистического соревнования, то есть гнался план по производству, а делались-таки из добротных дров. Тут я вам так отвечу, если их разобрать, а потом заново правильно собрать, то из любой советской гитары выходит очень даже приличный инструмент, ничем не уступающий азиатским коробочкам. Вы, должно быть, слышали историю, как советское Министерство иностранных дел подарило музыкантам «Билтз» ленинградские гитары? Ну, не стали бы наши шишки презентовать Леннону и Маккартни что-то совершенно непригодное, так ведь? У меня, например, в доме тоже отечественная гитара, люблю на ней иногда побрынькать, жене Ленке нравится. А мне большего и не надо, на сцену уже не выходить. Девочки нас, стариков, ведь не любят, им молодых, энергичных красавцев подавай. Посему приходите через пару недель, сделаю я вашу гитару, не узнаете её потом».

У Анатолия Ивановича появилась своя собственная тео-

рия относительно музыкальных инструментов. Каждый человек хотя бы раз в детстве заглядывал в круглое резонаторное отверстие на верхней деке гитары или в извилистую прорезь скрипки, чтобы подсмотреть, что там такое хитрое внутри прячется, создавая приятное, удивительно громкое гармоничное звучание. Причём каждая гитара, каждая скрипка звучат по-разному. Вроде, и сделаны на одной фабрике из одинаковых пород дерева, клеены и крашены в одном цехе, а отличаются друг от друга. Это потому, что разные люди в них душу вкладывали, или один и тот же мастер работал, да в разном состоянии и настроении. Вот и передались они выпускаемому всей фабрикой инструменту.

Но многое ещё зависит и от исполнителя. В каком он возрасте, в силах, в каком – добром или разбитом – расположении духа, как через прикосновения пальцев к струнам передаёт энергию, посылаемую ему откуда-то свыше, из иных миров косматого космоса. Копится эта энергия там, за незримыми горизонтами и непостижимыми смертным людям высотами, и чтобы не разорваться в себе самой, разряжается по проводникам. Люди и есть эти проводники, каждый своим талантом обладает, кто-то к живописи, кто-то к сложению стихов, музыке или к изобретательству.

Так и происходит отступление пустоты и обмен энергией между всеми проводниками – человечеством. Хорошая энергия слова или музыки несёт сострадание, мир, любовь и созидание, злая – войну, разруху, ненависть, деградацию и же-

стокость. Это как плюс и минус в обычной электрической розетке. Включил в неё радио – вот тебе и приятная музыка, замкнулись между собой плюс и минус – всепожирающий пожар, как у того мужичка в жирной майке и больших шортах. Анатолий Иванович видел себя на светлой стороне высокой энергии, верно служил ей. Так, во всяком случае, он сам считал.

То, что какая-то неведомая сила прекрасного передаётся людям через резонаторное отверстие инструмента, Анатолий понял ещё в детстве. А уже когда стал мастером и разобрался в создающих звук конструкциях, стал уделять особое внимание каждой детали, участвующей в его передаче миру и до самых краёв наполняющей Вселенную смыслом.

Тогда же, в детстве, от преподавателя музыкальной школы, он и услышал слово «душка». Вначале он даже не знал, что душка в скрипке – это всего лишь еловая палочка, соединяющая между собой две деки. А потом, заглянув внутрь купленного отцом Иваном Анатольевичем инструмента, обнаружил её ровненько под нижним окончанием струнной подставки.

«Разве это и есть душка? Просто палочка?», – подумал Толик, в его-то детском представлении это был какой-то сложный механизм, который нужно настраивать и предохранять от нечаянного воздействия. А тут – деревяшка длиной в полкарандаша и шириной в мизинец. Но когда при смене струн на своей скрипке душка, звонко тарахтя, провалилась

в глубину инструмента, Толик понял, как много значила для звучания эта, поди, совершенно бесполезная деталь.

И чтобы установить её в нужное место, что оказалось непростой задачей, Толику с отцом пришлось объехать полгорода в поисках мастера, имеющего для этой операции необходимый ключ, обладающего универсальным слухом и глубокими знаниями геометрии смычковых инструментов. Здесь и увидел Толик, сколько кропотливого тонкого труда и усердия вкладывает мастер в установку душки, ведь без неё, как он многозначительно и торжественно произнёс, «скрипка мертва есть».

Эти слова мальчик запомнил на всю жизнь. Когда бабушка называла Толика «душкой моей», он заглядывал внутрь своей одесской скрипки и представлял себя на месте скромной еловой палочки. «Наверное, я для бабушки тоже очень важная деталь, раз она меня так называет. Наверное, и живёт, преодолевая то потери, то безденежье, то болезни потому, что я у неё есть», – думал Толик. И в этом была большая доля правды.

Душку для скрипки Евгения Борисовича Васильева мастер точил с особым настроением. Почему-то показалось, что от этого зависит судьба молодого человека – сына приятеля его музыкального детства. Да, потом Борька стал известным в городе бандитом, но Женя-то тут не виноват. Время было такое. И дочка его не виновата, а она должна получить в руки достойный инструмент великого русского ма-

стера. Может, и лёд, намёрзший после потери матери, начтёт таять, может, и отца сможет простить и снова откроет для него своё маленькое детское сердце. А вдруг станет знаменитой русской скрипачкой?!

Когда ремонт инструмента Васильева был закончен, Анатолий Иванович позвонил одному из своих старых знакомых – Виталию Павловичу – виртуозному музыканту с большим стажем, поигравшему и на танцплощадках, и в дорогих ресторанах, и даже в оркестре областной филармонии.

– Виталик, привет, это Доктор, тут такое дело. Хотел бы собрать у себя в доме и мастерской сейшн с участием старичков. Помнишь, как мы раньше тусили?.. Эх, да, было время!.. Чаем и пирожными я угощаю, за этим дело не станет. Пивом и рыбой тоже, но после всего... Нет, толпа не нужна. Приглашай только тех, кого считаешь нужным, поиграем, пообщаемся, зрителей будет мало, но это для меня важные люди... Вот и ладненько, договорились! Жду!

В этот момент в мастерской раздался звонок. Привыкший проводить вечера в одиночестве и тишине двухэтажного пустого дома мастер вздрогнул. Кого это принесло в такое время, рабочий день, вроде бы, давно закончился? Анатолий Иванович включил свет в галерею, отрыл двери и увидел на пороге... Анастасию Валерьевну, слегка заретушированную безжалостной кистью лет, но всё такую же лёгкую телом и игривую взором. Сколько годков не виделись, и не вспомнить.

– Привет, Толик! Сорока на хвосте принесла, что ты хо-

лостякуешь. Куму в дом пустишь?

Х

Непреходящий запах медицинских препаратов стоял в небольшом кирпичном доме у Тамары Васильевны, матери Елены Владимировны. Болезнь неумолимо прогрессировала, метастазы беспощадно поедали иссохшую плоть, приступы являлись один за другим, «скорая» раз за разом бестолково целовала знакомую калитку, а ждать исцеления теперь можно было только от Всевышнего.

– О боги-боги, сколько вас на свете – и шумерские, и славянские, и египетские с греческими, всех и не упомнишь. Да ни один ни разу не откликнулся на мои мольбы, – плакала Тамара Васильевна, почти уже не поднимаясь с постели.

Приехавшая с пожитками дочь с некоторых пор перестала подбирать слова утешения, утомилась. Тихим голосом порой ругнёт старушку, мол, не поминай Бога всеу, грех это. И хотя что такое грех, и как нужно себя вести человеку в свой последний отрезок жизни, она всецело не понимала, но чувствовала, что обязана одёргивать безрассудные импульсы матери. Перед кем обязана – тоже не знала, но ощущала в доме присутствие некой неосязаемой третьей силы, явившейся сюда без спросу, но по законному праву жизни и смерти. И эта сила слышит всё, и судит за всё, что сделано и сказано.

Эту силу Елена чувствовала ещё в детстве. Скажешь, бывало, кому-то слово грубое, обязательно «прилетит» отдача – то ли острый камень окажется в том самом неудобном месте, куда ступает босая нога, то ли учитель вызовет к доске в неподходящий момент неготовности к уроку. Всего лишь одно слово, а как громко и точно аукается оно на другой стороне бытия. А тут – целая жизнь, в ней столько речей кудрявых наговорила, столько дел неблагоприятных переделала, что терпения не хватит у всевидящего ока и всеслышающего уха переварить в своём котле прикрытые ингредиенты из копилки векования.

Боязно Елене Владимировне, ведь и самой предстоит когда-то явиться перед вселенскими присяжными, и дать ответ. Как им сказать о том, что бросила законного мужа? Устала от семейного жития? Ну, утомилась, и что с того? У всех так. Что муж «объелся груш» и стал каким-то чужим, отдалённым, постоянно озабоченным своими делами? Так и в этом неудовлетворении она не едина на белом свете. Не соврала ведь Анатолию, что сама не понимает происходящего с ней, не может найти этому ни слова пояснения. Какое-то наваждение посетило.

Вот и свалилась лежачей матери на больную голову. Спасай, мама, дай хоть совет, что делать дочери. А мама сама еле-еле душа в теле.

– Мам, а мам, – как-то позвала Елена Тамару Васильевну, – ты не спишь?

– Я сейчас почти совсем не совсем не сплю, не спится, – отозвалась мать.

– Болит?

– Этого не пояснишь, тяжело просто, невыносимо. И думки всякие в голову лезут.

– И что за думки?

– О смерти, доча.

– Это ты брось, я вот где-то читала, что если загонять в свою голову мысли о кончине, то можно пробудить на уровне тонких миров тёмные силы, которые и приблизят смерть. А если верить в выздоровление, то наоборот, начинают работать другие ангелы, – на самом деле Елена придумала про тонкие миры и ангелов, но что-то подобное она где-то действительно читала.

– Много ты знаешь, они тебе напишут в своих газетах, лишь бы купили.

– Я в интернете читала, на серьёзном сайте.

– Ох, в тырнете. Удивила. Да там такие же сидят, как и в газетах. Не рассказывай мне сказки, там...

– Мам, я от Толика ушла! – резко перебила Елена Владимировна, сама испугавшись своего признания.

– ...Как ушла? – охнула Тамара Васильевна. – Что случилось?

– Ты только сильно не переживай. Я к тебе насовсем переехала. Ну, вещи, конечно, не все забрала. Потом привезу. Всё равно я там не хозяйка, за столько-то лет так и не стала...

– Так, – строго повела поредевшей седой бровью Тамара Васильевна, – давай, рассказывай по порядку.

– А никакого порядка нет, мама. Полный бардак в голове. Может, я с ума сошла?

– Если сошла, то в дурдом надо ехать, деточка, там есть хорошие специалисты. Соседку нашу, Петровну, вон, тоже как-то года три назад какая-то шизофрения посетила, так ничего, покапали, покололи, приехала как новенькая. Только жопа вся синяя и болящая. Так чем тебе Толик не угодил, жисть ведь прожили? Может, это Колька-врач опять голову тебе стал морочить? Так я его...

– Да при чём тут Колька, мам?! Нашла чего вспомнить, хос-спади... Сто лет в обед, одноклассник в гости покатался, намёки побросал. Язык без костей, мозги без тормозов, мам. Воспользовался моментом, что я сама к нему за советом обратилась. Тут другое, – Елена закатила глаза и тяжело вздохнула на полную грудь.

– Что другое?

– Мне кажется, что Толик меня разлюбил.

– Пс-с... Прости, Господи! О любви она вспомнила в её-то годы. Да меня папка твой разлюбил уже на второй день после свадьбы. Ночку заночевали, а на следующий день он уже с Петровной целовался. Она, когда молодухой была, ох и славной девкой бегала. Все пацаны на улице хвостиками крутили. И папик твой туда же.

– Мам, ну отец же сто раз рассказывал, как оно на самом

деле было. Поспорили они на поцелуй, что ты будешь его женой. Ну? Забыла что ли? Петровна ему сказала, что ты его не любишь, а он упёртый был, сказал «добьюсь», и всё тут. И поспорили. На поцелуй, блин, мама, что такого...

– И ты поверила? А если бы я не пошла за него замуж, что тогда?

– Тогда Петровна была готова свадьбу с ним гулять...

– Ну, и где тут логика? Хоть так, хоть этак – Петровна в выигрыше. Не замуж, так хоть под забором пососаться, тьфу!

– Мамка, что ты в самом деле, смерть на пороге топчется, а ты о чём? Вышла ж замуж. Ну?

– Что «ну»? Знала бы ты, какой тогда скандал разыгрался. Бабка твоя меня в ЗАГС провожает, развод брать. Дед твой орёт: «Постреляю!». Сваху в больницу забрали с этим, как его, с сердечным приступом. Оттого, наверно, и померла рано, бедная. Петровна месяц боялась нос на улицу показать. А папик твой, как ни в чём ни бывало, в запой ушёл. Домой его привозят на тачке, у калитки сгружают. Ночь проспался, с утра тишком в дверь проскользнул, чтоб никто за шиворот не поймал, и на работу. Где кормился, что ел, кто кормил – Бог его знает. Может, и Петровна. Ох, и было... Ох, сердечко заходится, ох...

– Мам, да хватит тебе.

– Ты вот говоришь, что не хозяйка в доме Толика, да? А тут ты хозяйка, значит?

– Так родительский дом...

– Смерть, значит, у моего порога топчется, да? Забрать, получается, меня хочет, тобой не выплаканную, медью не отпетую? А сама мне сказки про ангелов-спасителей поёшь. Помнишь ли ты, доча, как мы все тут год назад договаривались? Кому этот дом должен достаться?

– Договаривались. Анечке. Так а я разве что против имею?

– Ага. Похоронить меня приехала и Анечку без наследства оставить.

– Так у них в Серпухове квартира.

– Квартира-то квартирой, однушка в кредит купленная, а домик этот ей должен по нашему уговору отойти. А у тебя муж есть. И дом есть, ты как-никак законная жена.

Елена смотрела на мать расширившимися глазами, дёргая правой рукой за верхнюю пуговицу на ситцевой рубашке. Тамара Васильевна хоть и ослабла за последний год и здоровьем и умом, а с памятью у неё, как оказалось, всё в полном порядке. И ведь действительно был такой уговор – не делать никаких завещаний, а после смерти Тамары Васильевны идти к нотариусу и писать отказ от наследства в пользу внучки Ани. От завязавшейся натужной ситуации у Елены закололо под левым ребром. Мать-то ещё имеет силы и волю! Попробуй что против сказать – выгонит. И куда тогда топать? К Анатолию Ивановичу на поклон? Прости, мол, муженёк, бес попутал. И к чему тогда было всё это затевать? Бестолковая ситуация, и от осознания её тупиковости Елена Владимировна прослезилась.

– Мам...

– Что «мам»? Я пятьдесят шесть лет мама, а был бы брат твой жив, то и все шестьдесят, – грубым наставническим тоном буркнула Тамара Васильевна. – Говоришь, Толик тебя разлюбил? А, ну, дай-ка телефон, я ему сейчас позвоню и узнаю, как оно на самом деле.

– Не надо, мама!

– Чего ж так? Если разлюбил, пусть и подаёт на развод, ищет себе молодуху горшки на старости лет выносить. Он тебе сам сказал, что разлюбил или как?

– Мы с ним вообще последнее время почти не разговаривали.

– А-а-а, вон оно как! Да-да-да, это ты умеешь, в молчанку играть да гордыней окапываться. На танцы непустишь – неделю с губами надутыми ходишь и не разговариваешь. Это у тебя с детства. Папик тоже умел нервы трепать молчанием. Вся в него. А у меня свой вопрос к тебе имеется: а ты Толика любишь? Не разлюбила ли, дорогая, ты его? Может, тут дело-то в другую сторону вертится?

Елена Владимировна побледнела, почему-то левый глаз задёргался. Вроде бы, плохая примета, к слезам и смерти близкого родственника. А ведь в чём-то права мать, может, и так, – потускнели чувства, переродилась былая любовь в обыкновение и повинность, а цветочная поляна радости в пустую степь горкой полыни. Бывает ли так у других людей или только у неё это? Сложный вопрос, а ответ заблудился

где-то в запутанных лабиринтах сознания.

– Остыло как-то, мама. Какая любовь... привычка и не больше.

– Ну, знаешь ли, не ты первая, не ты последняя. У всех такое бывает, но не все глупости городят. На работу тебе надо вернуться, бесишься на своём заслуженном отдыхе. Я как на пенсию вышла, так ещё десять лет мантулила. А ты, глупая, с директоршей горшки разбила из-за того, что та правду тебе сказала о твоём характере тяжёлом. И слёзы пустые полгода чеканила. О себе, значит, подумала, сбежала красавица, а Толику каково? Я ж и смотрю, не звонишь ему, и он молчит. Чую, что кошка чёрная пробежала между вами. Ладно, разберётесь, я прослежу, умирать пока не буду. Так и знай. Заруби это себе на носу, доча!.. Анечка звонила?

–Звонила.

– И что?

– Собирается приехать на днях.

– Вот и хорошо. Приедет. Мы тут с внучкой и потолкуем о том, что я задумала. А ты к мужу езжай.

– Не поеду.

– Поглядим.

– А что это ты там задумала?

– Пока ты в магазин ездила, Петровна приходила. За хоспис хлопотала, своих детей просила помочь, сынок-то у неё в исполкоме работает. Берут меня в хоспис этот. Деньги есть, ты знаешь, скопила, хватит.

– Мам, какой хоспис, мы же есть у тебя.

– Так! Я сказала, что умирать у вас на глазах не собираюсь. Скоро такие муки у меня пойдут, что сама в земную твердь клюнешь. Чувствую. А в хосписе и уход, и врачи, и бабушка какой-никакой, а есть. Мне уже пора и о своей душе подумать, ведь всю жизнь за вас гнула извилины, а вы тут и умереть спокойно не дадите.

– Мам...

–Хватит мамкать. Устала я. Теперь точно усну. Спи и ты. Утро вечера мудреней.

Последние слова Тамара Васильевна произнесла шёпотом, глубоко простионала, медленно протянула руку-веточку и выключила ночной светильник на рассохшейся от постоянно проливаемых жидкостей фанерной тумбочке. Всё это время за разговором двух женщин внимательно наблюдала собачка Зита, улегшаяся рядом с диваном у изголовья. Она не понимала, о чём так эмоционально говорили больная мама и заблудившаяся по жизни дочь, но точно чувствовала, что этот разговор касался и её места под спрятавшимся майским солнцем. И от этого накатывало гнетущее волнение.

XI

«Чего ж её принесло-то, ягодку эту терпкую, Настюху ибн Валериевну? – по-детски, неуклюже засуетившись в дверном

проходе, подумал Анатолий Иванович. – Пускать или не пускать – вот, в чём шекспировский вопрос. А если пускать, то зачем, и не принесла ли Настя в дом новые несчастья?

И вот всегда так по жизни: нужен тебе человек – днём с прожектором не отыщешь, а не нужен – он и сходит с земных вершин неожиданным селем. М-да, наплясали шальные звёзды встречу, какую не ждал».

Анастасия Валериевна мгновенно прочитала сумятицу в изумлённо- испуганных глазах Анатолия Ивановича. Ей ли не знать его рыхлые места, хоть и прошло уже столько лет с их перебродившего романа.

– Шо теряишьси, Толя?! – манерой базарной хабалки, ехидно скорчив лицо, проямлила Настя; стало заметно, что она изрядно выпила. – А я тут со старой подружайкой недалеко в кафешке сидела. Да и к тебе решила заглянуть на чаёк. Звонит мне с утра, говорит: «Настюха, у меня для тебя новость есть, отпад полный! Знаешь какая?»

– Подружайка или новость? – пытаюсь сохранять выражение лица в состоянии безразличия, спросил Анатолий.

– Ха! Интересно, стало быть!?! Интересуешься, да, Толя? Помнишь меня, а я знаю, что помнишь. Небось, сейчас глазами своими бесстыжими меня уже раздеваешь, да? А я и за! Прямо двумя руками. И ногами, кстати, тоже – за. Хорошие у меня ноги или стоптались за годики беспощадные? Да не бойся, не отстраняйся, не трону. Ты сам-то на себя в зеркало давно смотрел? Давно, наверное. Свежесть былую поте-

рля, хотя на безрыбье, в принципе... Подружка, спрашиваешь, какая? Да Светка Милонова, если помнишь, одноклассница твоей суженой-ряженой. Грит, что-то давненько Ленки твоей не видно. Точно к мамке сбежала, как и обещала. Они ж последние недели чуть ли не день в день встречались потарахтеть. Продолжать?

Анатолий Иванович отступил к стене галереи, пропуская Настю в дом. Пока она, шагая в зал, на ходу сбрасывала с ног туфли, широко раскачивала обтянутыми голубым коттоном бёдрами, он лихорадочно перебирал в голове все возможные варианты своих дальнейших действий. Как быть, если Настя, выпив чая, не уйдёт из дома? Что делать, если она его потянет в постель (а такое развитие событий тоже нельзя было исключать)? Как реагировать на ту новость, которую сейчас ему преподнесёт нежданная гостья? А если не преподнесёт, а просто поиграет на струнах растревоженной души? И главное видел ли её кто-то из соседей входящей в дом?

– Так вот, – продолжила Анастасия Валерьевна, грузно рухнув на тёмно-зелёный баракан дивана, – Ленка-то твоя хоть и молчунья, как та Муму, а тут возьми и разболтайся. Говорит, всё, бросила я этого чурбана неотёсанного, к мамке вернулась. О, как, Толян! Бросили тебя, дядька! Собаку даже, и ту не оставила.

– Кончай говорить глупости, мать у неё больная. Поехала досматривать, она почти год уже так живёт – то тут, то там, – возмутился Анатолий, трясущимися руками пытаюсь

включить газовую печь. Печь не поддавалась, гневно пыхала газом. За этой картиной с нагловатой косой улыбкой внимательно наблюдала Настя, сосредоточенно фиксируя зрачками каждый момент.

– Какой ты стал неловкий, Толя, – резюмировала она. – Надо брать тебя в руки. На зарядку строить, лыжи купить, палки финские.

– Это и вся новость?

– Вся, да не вся. Вещички Ленка свои тоже, надо полагать, увезла, чтоб мамку одевать, да?

– Твоё-то какое дело, что она туда-сюда возит?

– Моё дело какое? Да как же так, я ж, Толя, за тебя волнуюсь. Видит Бог. Пока мы со Светкой салатик зубками перетирали, выяснилось, что не мамкой единой у твоей Ленки тропинка в родной дом вымощена. Там, Толик, такое закрутилось, что сам Толстой бы заплакал со своей Анькой Карениной.

– Кончай сочинять, – буркнул Анатолий, включив, наконец, печь.

– Сочиняют поэты, Толя, а тут получше любых стихов пазлики складываются. Грит, зачистил к твоей Ленке Николай Николаевич, доктор из их колхозной лаборатории или амбулатории, как её там, тоже одноклассник. У него жена недавно крякнула, вот и пошла жара. Мужик ещё в теле, всё при нём, деньги водятся, хата есть. А за Ленкой он ещё в школе педали накручивал. Вот такое сочинение у меня для тебя.

– Ерунда, Настя. Полная ерунда, – сказал Анатолия Иванович, разливая чай. В солнечном сплетении что-то сочно затрепетало, словно сердце пыталось вырваться из грудной клетки.

– Только чай? – изумлённо спросила гостя. – А чего-нибудь покрепче в холостяцком доме не водится?

– Для тебя нет.

– Что так? Обидела чем или прошлые скелеты за спиной покоя не дают? Так ты крылья купи и лети от костлявых подалее... Ну, не знаю. Я за что купила, по той цене и торгую, навар невеликий. А Светке врать вообще незачем. Она баба тёртая, битая, знает вес слова. Да ты не обижайся и не бойся, а то я, глядя на твоё лицо, сейчас расплачусь. Ты думаешь, я предложение тебе делать пришла? Ха! Не угадал. Меня сегодня на эти коврижки уже не приобретёшь. Замужем отменилась. Хата в наличии. Работа есть, пенсию вот оформила. Сына вырастила, сейчас по контракту в армии служит. Но иногда припасть к мужскому плечу так охота, Толь.

– Припадай, я здесь тебе не помощник.

– Да в том-то и дело, что куда ни глянь, а кандидатов нет. В школе у нас был трудовик, да все мозги свои малосольные пропил. Ну, сосед с первого этажа как-то приглашал... куда бы ты думал? В кино. Вот детский сад. Он всего на семь лет моложе, а в танчики за компьютером до сих пор играет. Киноман маменькин. На тебя, Толя, теперь только и надежда. А ты не волнуйся, я к тебе с трусами своими и котом приходиться

жить не собираюсь, и к себе не зову. Сейчас знаешь как у мужиков модно? Жить на два дома. То тут, то там. Никаких обязательств, зато все блага интимной жизни и холостяцкие преимущества налицо. Давай, Толик? Сочинитель ты мой. И пушистыми ветвями стихов будет вымощен твой тернистый путь!

Анатолию Ивановичу стало до тошноты противно. От развязного тона Насти, от самого себя – бессильного и трусливого. От нелепости ситуации, в которой он ни при каких обстоятельствах, по своему внутреннему прогнозу жизни, не должен был оказаться. Его лицо приобрело старческие черты, упала седая чёлка, опустились брови, пересохшие губы прилипли к зубам.

Хорошо сохранившаяся внешностью Настя за много лет загорания на рыночном солнце очень изменилась характером. В худшую сторону. Это был исключительно иной человек, нежели та образованная девушка и одержимая кума, которая когда-то едва не вырвала его из омута семейной жизни.

Как верно и щадящее распорядился Бог, когда предоставил Анатолию Ивановичу право выбора своей половинки, и ей оказалась пусть и бросившая его, пусть даже, по слухам, и неверная, но любимая и всегда желанная Елена. Хозяин беззвучно закипал. Ему хотелось с силой сгрести нежданную гостью с дивана, выволочь на улицу и бросить с высокого порога как надоедливую нашкодившую кошку. Но не решался, а какого-то другого решения в его пульсирующем сознании

не родилось...

В это мгновение в доме вдруг погас свет.

– Опачки! – фыркнула из угольной темноты Настя, которая, судя по голосу, начала трезветь. – Как по заказу. Темнота – друг молодёжи. Только мы с тобой, Толя, уже не дети. Нам бы при свете, да? Чтоб надёжно, точно и контролируемо. Одними органами слуха, осязания и обоняния в эту игру не сыграешь. Газ тогда включи что ли. Всё ж лучше, чем свечка. Ой, забыла, у тебя с газом отношения не складываются. Что делать-то будем?

– Что делать? Делать нечего, расход. Пойду по соседям, узнавать, как у них с электричеством, и что произошло.

– А я? Я ж на всё готовая...

– А ты домой, Анастасия Валериевна, – как можно жёстче сказал Анатолий. – Новость ты сообщила, чайку попила. Торжественная кода, фанфары. Всем собравшимся спасибо! Увидимся в следующей жизни!

Громко загремев посудой, Анатолий Иванович вынул из подвешного шкафа электрический фонарь и направил его рассеивающийся луч в сторону галереи, по которой они заходили с Настей в зал. Это был сигнал к расставанию. Настя молчала и не двигалась.

Тогда, взяв фонарь, торопливыми шагами вышел на улицу сам Анатолий. Там уже мигали слепящие во тьме огни сотовых телефонов и других фонарей – это соседи дружно, словно по команде, высыпались из своих домов. Вот, что зна-

чит, когда на улице нет света, отключаются все телевизоры, компьютеры и Интернет. В другое время соседей и не докричишься, а тут, несмотря на ночь и морось, – целыми семьями шумят.

– У тебя тоже нет света, Иваныч? – крикнул из мглы Виктор Сергеевич, сосед напротив.

– Тоже.

– А не знаешь, что бы это могло быть? Это только у нас или по всему району так?

– Да откуда ж знать.

– Звонить мэру надо. То мусор не вывозят, то воду не качают, то свет. Безобразно работают службы. Жалобу надо коллективную писать.

– Вы, Виктор Сергеевич, всё ещё верите в силу коллективных обращений? Пора б уже на землю десантироваться с ваших джомолунгм, – Анатолий Иванович засмеялся. Сосед был на пару лет старше, когда-то работал в горкоме комсомола, поэтому искренне верил в то, что власть и народ едины, и только «плохие бояре» во властных апартаментах днём и ночью занимаются вредительством. Вредят и мэру, и губернатору, и, соответственно, простому народу. Забава у «бояр» такая – всем делать плохо.

– Да не то, чтобы верю. Но писать надо, – неуверенно отозвался Виктор Сергеевич. – О! А кто это у тебя в калитке стоит? Вроде, это не Елена Владимировна... Точно, не она...

Этого только не хватало – всенародной огласки, что у Ана-

толия в доме в отсутствие хозяйки гостит чужая женщина. Попытавшись сделать вид, что сам удивлён появлению в проёме калитки Насти, он решительно сделал несколько шагов в её сторону и гулко прошипел:

– Что застряла? Уходи!

– Да я только попрощаться хотела. Не хаами. Если б не хотел бы, чтоб нас видели, или в дом бы не пускал, или на месте сидел, а не на улице топтался, важный, как павлин. Эх, Толенька, постарел ты, подурнел. Наверное, и впрямь не судьба нам быть вместе. За чай спасибо!

– Ох, ёлки-моталки, – вздохнул вслед уходящей Анастасии сосед, направив свет фонаря чуть ниже её спины. – Хороша матрёшка. Балуетесь, Иваныч, как бы до Елены Владимировны не дошло, бабы-то на улице, глянь, рты пораскрывали, аж зубы в темноте сверкают...

– Да...это так, пришла клиентка, обсудить ремонт, – неуверенно махнув рукой, мгновенно солгал Анатолий, хотя ясно осознавал, что эти слова были лишними – сосед им не поверил..

– Да и обсуждали б до утра. Для этого свет что ли нужен, – хмыкнул Сергеевич.

Анатолий вздохнул и не ответил. Его штормили другие мысли – правду ли принесла в его дом Анастасия Валериевна или брех собачий, заквашенный на бабьей злопамятности. Впрочем, мог ли он что-то изменить в этих хмурых пасьянсах перепутавшихся планет? Вряд ли. Да и, видимо, поздно

уже что-то менять. Коль бросила жена, так тут ни словами, ни беготнёй дела не поправишь, а если на её горизонте ещё и какой-то доктор изобразился, то плохи дела.

XII

День, когда Евгению Борисовичу Васильеву и его дочери Оленьке было предложено посетить музыкальную мастерскую, чтобы забрать отремонтированную скрипку, был многообещающ. Анатолий Иванович как индийский факир загадочно предупредил: «Помимо чайной процедуры, вас ждёт сюрприз». Слово «сюрприз» на Олю не произвело никакого впечатления, она воспринимала его как забаву взрослых в виде пустого конфетного фантика. Пахнет приятно, на вид аппетитный, а внутри – пустота. Но отец сказал и другое слово – «мечта». Пусть маленькая, но уже само её предвкушение согревало пространство, умиротворяющее ласкало растрёпанные чувства.

«Ты помнишь, о чём ты мечтала?», – заведомо интригуя дочь, спрашивал отец.

«О чём? Не помню. Скажи», – отвечала Оля. И она действительно забыла.

«Зачем говорить, если можно сразу к ней прикоснуться? Сегодня едем за твоей мечтой», – тепло, но с долей отцовской убедительности сказал Евгений.

Ехали молча, Евгений уже привык, что разговоры с Оленькой у него не ладились, развязывались на первых же узлах. Оле очень хотелось спросить отца, куда они мчатся по запруженным унылым каналам улиц, но она даже не знала, как обратиться к отцу. Раньше он был просто «папой», а сейчас могла себе позволить называть его только «ты», что никак не соответствовало текущему моменту, да и не могла переступить через барьер маленькой детской гордости и обиды. У калитки отца и дочь встретил Анатолий Иванович, одетый в чёрные джинсовые брюки, строгие остроносые туфли и атласную белую рубашку. В таком виде мастер, причивший посетителей к своим неброским рабочим нарядам, выглядел несколько нелепо.

– Неожиданно! – проведя оценивающим взглядом сверху вниз, весело приветствовал хозяина Евгений Борисович. – Но великолепно! – добавил он.

– Здравствуйте, дорогие гости, прошу пожаловать в дом, ждём вас, – слегка подражая игравшим учтивых лакеев кинематографическим героям, поклонился Анатолий Иванович.

«Какой интересный дом, – подумала Оля, разглядывая оригинальную мебель ручной работы, сделанную из разных сортов дерева и покрытую датским маслом, расставленную мудрёной мозаикой старинную посуду, какую можно встретить разве что в магазине антикварных вещей. На полу лежал яркий зелёный ковёр в мексиканском стиле. По углам просторного зала выставлены большие, покрытые чёрным бар-

хатом акустические колонки, пугавшие огромными серыми «глазами» динамиков и окаймлёнными алюминием «ртами» фазоинверторов. На низких кушетках вокруг овального столика с ещё дышащим паром электрическим самоваром сидели трое пожилых мужчин. Они тоже были одеты в чёрные брюки и белые рубашки, как музыканты с фотографии на бабушкиной грампластинке или как министры из сказочного королевства, не хватало только высоких цилиндров на побелевших головах. Гостям было предложено располагаться на диване с широкими деревянными подлокотниками, на которых стояли тарелки с печеньем и заварными пирожными, чашки с мёдом и малиновым вареньем.

– Хотел бы вас познакомить, – присаживаясь к столику, улыбнулся Анатолий Иванович. – Перед вам Сергей Николаевич, Михаил Аркадьевич и самый старший – Виталий Павлович. Мои друзья, прекрасные музыканты, композиторы, поэты, отцы, семьянины и даже, кажется, дедушки. Так ведь?

Мужчины самодовольно кивнули. Анатолий представил мужчинам Евгения и Олю.

– Какая выразительная внутренняя красота таится за грустным лицом этой юной особы. Вы ведь тоже музыкант, и, как я понимаю, музыкант с большим даром, некоторым уровнем образования и генами в своё время успешного и известного в городе скрипача? – вежливым басом спросил Виталий Павлович.

Оля испугалась его неожиданного обращения, но быстро

взяла себя в руки, ответив, что учится в музыкальной школе, играет в ансамбле, а вот про «гены скрипача» ничего не знает.

– Как? – сделал удивлённое лицо Виталий Павлович, – разве ваш многоуважаемый папа вам не рассказывал, что ваш дед, Борис Михайлович Васильев, в молодости был прекрасным мастером игры на смычковых инструментах, если не изменяет память, он выиграл множество городских, областных и даже каких-то международных конкурсов, названия которых, я, к сожалению, сейчас не вспомню. Но можно поднять подшивки газет и отыскать целую серию статей о вашем славном предке, мадемуазель. Мы сегодня здесь собрались с друзьями не просто так. У нас небольшая презентация. Так ведь, Анатолий Иванович, я правильно подобрал слово? Вижу, что правильно. Мы хотим вам презентовать несколько произведений, и хотели бы, чтобы именно ваш юный, неиспорченный современными веяниями слух да услышал, а уста да произнесли достойную, а главное честную оценку того, что сейчас здесь произойдёт, пока вы будете пить чай.

«Что они от меня хотят, эти олды? Странно всё как-то», – подумала Оля, но интрига и любопытство уже закрались в её сжавшееся нутро. Она взяла в руки тёплую чашку с ароматным чаем, чтобы согреть затрепетавшие, как птичьи крылья ладони, и чтобы сесть удобнее подобрала ноги под себя. Конечно, Оля неоднократно бывала на концертах, видела и

слышала, как играют преподаватели музыкальной школы, но чтобы вот так, за одним столом со взрослыми состоявшимися людьми, которых, к тому же представили как профессионалов и виртуозов музыки, она ещё ни разу в жизни не бывала.

Мужчины взяли в руки инструменты: Сергей Николаевич – бас-гитару, хозяин дома Анатолий Иванович – гитару, Виталий Павлович – скрипку, а Михаил Аркадьевич – ударные щётки, Оля заметила, что он уже сидел на коробке, которую, как она читала в сети, называют кахоном. Это такой латиноамериканский барабан, заменяющий целую ударную установку. Кстати, как он звучит, она тоже ни разу в жизни не слышала, и это заразило лишним любопытством к происходящему действию.

Михаил Аркадьевич хлёстко четыре раза ударил щётками, задав ритм, и из колонок вылился обволакивающий, словно морские волны, глубокий звук чарующего баса, а вслед за ним выплыли играющие брызгами мистического хора аккорды электрической гитары. Зал до самого потолка заполнился вихрящимися нотами сводящего с ума джаза, заводя в движение хрустать на звонко аплодирующих стеклянных полках сервантов. Следом, пронзительно вибрируя, запела скрипка. Оля почувствовала себя невероятно хорошо. Ей мгновенно стало так уютно, словно она выросла в этом доме, и неоднократно ночевала на этом диване.

Скрипка разрывала сознание, погружая Олю в какие-то

неведомые миры, в которых она никогда ранее не бывала, полные причудливых форм окружающих предметов, острых невероятных воспоминаний, будто вытщенных из прошлых жизней. Когда музыканты плавно перешли к другой мелодии, более быстрой, Оле захотелось танцевать. Ей показалось, что она давно знает мужчин, случайно собравшегося оркестра, словно они росли вместе с ней с самого рождения. Будто они её ровесники.

Но как звучала скрипка! И как умело ей владел Виталий Павлович, этот невысокий гладко выбритый интеллигентный маэстро, словно явившийся в дом из далёкого прошлого, из дремучего раннего средневековья, когда жили принцы и принцессы, короли и королевы. Скрипка передавала чувства и настроение, мысли и движения исполнителя, она говорила о великолепии мира и трагичности войны, о необъяснимости любви и красоте природы, о радости детства и печалах старости. Всё, нужно просить отца, чтобы купил именно такую скрипку. Именно такую, пусть и расписанную беспощадной жизнью верной служительницы прекрасному.

В самоваре остыла вода, растворились шлейфы прячущихся по углам комнат неостывших мелодий. Наступила ещё более умиротворяющая тишина.

– Хорошо поиграли, – улыбнулся Виталий Павлович, – спасибо всем за великолепный аккомпанемент. Давно не получал удовольствия от такого чудесного звука. Спасибо и вам Оленька, что слушали нас. И хотелось бы услышать ваш

вердикт. То есть ваше мнение. Понравилось ли наше стариковское музицирование?

– Топчик, я в восторге, аплодирую стоя. Особенно понравилась скрипка. Это было что-то, – часто заморгав, сказала Оля. Потом, лихорадочно перебирая в мыслях слова и выражения, стала вспоминать, что в таких случаях говорили её учителя в музыкальной школе. – Никогда в жизни я не слышала такого ясного и открытого резонанса, а ваша игра просто потрясает. Чтобы так разливать музыку и положительные эмоции по фужерам других людей, наверно, вам долго пришлось самого себя, как сосуд, наполнять добром. Наверно, целую вечность. Bravo!

Оля встала и захлопала в ладоши. Все в зале тоже неторопливо поднялись и поаплодировали друг другу. А садясь обратно, пожали руки.

– Золотые слова, сказанные мудрым человеком, а не ребёнком. Надо запомнить их. А мы говорим, что молодёжь у нас плохая! Вот, полюбуйтесь! Мы рады, очень рады, что вам понравилось! – громко воскликнул Анатолий Иванович, многозначительно подняв указательный палец правой руки вверх. – А теперь самая важная часть нашего концерта. Виталий Павлович, передайте скрипку её законной владелице. Оленька, принимайте! Спешу вам сообщить, что данный инструмент, который, надеюсь, произвёл на вас достойное впечатление, принадлежит вам по праву наследования. Это скрипка вашего замечательного деда Бориса Михайловича,

с которым все мы, здесь собравшиеся, имели честь пересекаться на концертных площадках и сценах нашей лихой молодости. Ваш отец Евгений Борисович приложил немало сил и терпения для того, что мы смогли восстановить и отстроить этот инструмент, который отныне продолжит служить русскому музыкальному искусству в ваших руках. Очень хочется верить – золотых руках.

– Как музыкант, повидавший в жизни разные скрипки, могу утверждать, что это прекрасный, удивительный инструмент, – добавил Виталий Павлович. – Получил превеликое удовольствие от игры на нём. Слава её создателю – непревзойдённому люте двадцатого века русскому мастеру Льву Александровичу Горшкову и её спасителям – вам, Евгений Борисович, и вам, Анатолий Иванович.

Скрипка, которая несколько минут назад была несбыточной мечтой девочки, вдруг оказалась в её руках. А ведь отец говорил о сегодняшнем прикосновении к мечте. Это, наверное, он всё придумал. И весь этот концерт с чаепитием, и торжественное вручение. Он в детстве Оли часто делал сюрпризы, но этот – самый приятный и необычный, из всех, когда-либо радостно удивлявших её.

«Странно, а ведь бабушка мне говорила, что дед был каким-то криминальным воротилой, – думала Оленька. – А он, оказывается, был музыкантом. Как жаль, что я не могу послушать его игру. Хоть бы на записи. Наверное, в то время, когда он жил, люди ещё не могли вот так просто взять и за-

писать музыку на диктофон...»

– Оленька, можно вас на пару минут, – перебил девичьи мысли Анатолий Иванович. – Пока парни тут по-мужски общаются, они давно не виделись, заодно поразвлекают вашего папу, пройдёмте в мою мастерскую.

Прижав к груди скрипку, Оля послушно шагнула за хозяином дома. Он привёл её в светлую комнату с большими окнами. В ней был, как ей показалось, идеальный порядок, если брать во внимание, что комната называлась музыкальной мастерской. Вообще она представляла, что мастерские такого рода завалены старыми досками, усыпаны мелкой стружкой, а все станки и рабочие инструменты беспорядочно валяются на столах и полках. А здесь всё иначе.

– Когда-то здесь был гараж, – улыбаясь, сказал мастер. – Теперь вот... Но я не об этом хотел с вами поговорить, Оленька. Вы, конечно же, никогда меня в жизни не видели и, наверное, не слышали обо мне. Впрочем, это не так важно. Главное, что я узнал о вашей беде. О вашей потере мамы. И мне очень печально, что в вашей жизни случилось такое несчастье, дай вам, Бог, сил пережить эту беду и двигаться по жизни дальше к своему счастью. Я ничем не обидел вас этими слова?

– Нет. Ничем. Это правда, – скромно прошептала Оля, её глаза заблестели от проявившейся влаги.

– Вот и прекрасно. Я не стал заводить наш разговор при вашем отце, так, будет лучше. Пусть это будет тайной. Пока

моей тайной, но очень хотелось бы верить, что и вашей. Вы знаете, что такое душка?

– Да, слышала. Это такая свободно стоящая и ни к чему не приклеенная палочка в скрипке, в контрабасе тоже есть, в виолончели...

– Совершенно правильно. И знаете, наверняка, что без душки скрипка превращается в пустой бесполезный предмет. Отвратительно звучащий и совершенно не завораживающий. То же самое, Оленька, происходит и с людьми, каким бы они ни были – грустными и весёлыми, глупыми и умными, полными альтруизма или поражённые тщеславием. Только здесь роль душки играет другая штука – это душа. Слышали, наверное, выражение «душа не на месте». Представляете, как тонко кто-то подметил и придумал крылатую фразу? Оказывается, она тоже может быть не там, где нужно – то ли Бог установил неправильно, то люди небрежно попользовали. Вас ведь тоже в жизни кто-то обижал, и, полагаю, не раз. Согласитесь, как сложно справиться с этой обидой. Всё внутри разрывается на части, болит, негодует, жаждет восстановления справедливости. Так ведь?-

– Да, так и есть, – согласилась Оля и присела на край невысокой в центре мастерской табуретки. – Анатолий Иванович, а почему вы со мной на «вы». Я ведь вам во внучки гожусь, говорите «ты», так будет правильно.

– Хорошо, Оленька. Так вот, когда твой папа привёз мне твою скрипку, как ты уже поняла, скрипку твоего деда, я сра-

зу понял, что душа у человека не на месте. Мы поговорили немного, и я, как гитарный доктор с большим стажем лечения, диагностировал состояние человека – твоего отца. И понял, что он нуждается в помощи. Ему тоже нужен доктор. Нужно вернуть душу, то есть мечущуюся между деками бытия душу, на то место, где она должна быть. Чтобы твой папа задышал полной грудью, полноценно заиграл как следует, зазвучал на всех клавишах и трубах жизни.

– Вы считаете, что ему нужно в больницу? К психиатру что ли?

– Нет-нет, в больницу папе совершенно не нужно. Он у тебя абсолютно адекватный, добрый и заботливый мужчина. Ему нужен другой доктор, и этот доктор – ты. Только ты можешь вернуть его душу в ту серединку, где она и должна генерировать счастье. Может, это сложно для тебя. Но ты попробуй. Это, в общем-то, не так уж трудно – просто стать любимой дочерью. Чтобы он почувствовал себя отцом, любимым отцом.

– Вряд ли вы меня сможете понять. Но это трудно, – грустно проговорила Оля.

– Да, я не самый лучший советчик. У меня дочь выросла, и никогда не послушала ни одного моего совета. Но тут другое, это нужно не только папе, но и тебе, это нужно и той женщине, которую он любит как мужчина.

– Только не нужно о ней.

– Почему не нужно? Видишь ли, каждому из нас в отдель-

ности кажется, что Солнце вращается только вокруг него. Но это не так, Солнце вращается вокруг всех. И всем от этого хорошо. Необходимо только научиться жить в гармонии со всеми. И ты сама удивишься, когда увидишь, как меняется мир вокруг, как меняется отношение окружающих к тебе. Что ты посылаешь в этот мир, тем и он отвечает тебе. Таков закон жизни.

– Но я не хочу, чтобы он к ней ездил. И не хочу, чтоб она жила у нас.

– Хорошо, представь ситуацию, что ты будешь встречаться с парнем, полюбишь его, а ты ведь уже почти взрослая девушка, а твой отец будет против этих встреч, не позволит вам провести время у вас в доме. Будут ли такие отношения гармоничные и правильные?

– Это ведь другое.

– Да то же самое, Оленька. То-же-са-мо-е! Ты подумай, он ведь не везёт сейчас свою женщину домой, он как-то обходит острые углы, старается не ранить тебя, чем-то ради тебя жертвует. Он мудро поступает. У него должна ведь быть своя жизнь, это закон природы. И жизнь у него одна, другой не повторится. Подумай о том, что я тебе сейчас сказал. Очень тебя прошу. Полюби папу, это же не трудно. Другого папы у тебя нет, и не будет.

– Я поняла, – тихо прошептала Оля. Потом, вздохнув, спросила, – Анатолий Иванович, а у вас душа на месте?

Анатолий вздрогнул. А ведь не на месте же, совсем не

там, где нужна душа его, бродит где-то неведомыми краями, ищет утешения, а оно, утешение и счастье в руках другого человека. И этот человек бросил его и упорхнул небесной ласточкой туда, куда ему путь закрыт и где его не ждут.

– И у меня не на месте, и мне нужен доктор, Оленька, – сказал Анатолий Иванович. Оба улыбнулись, и обоим стало по-домашнему тепло, словно где-то рядом запылало пламя невидимого камина.

– Ваш доктор вернётся домой? – неожиданно переспросила Оля. – У вас на столе лежит книга рецептов блюд. Мужчины обычно не интересуются этим, еда – женское дело. И чай вы сами заваривали. Наверное, припекло вас, раз сами готовите?

– Да, ты угадала, – удивлённый прозорливостью и наблюдательностью девочки, подтвердил мастер. – А ты возьми эту книгу себе. Пригодится, мне, мужику, она, в общем-то, ни к чему. Всё равно готовить так, как готовила моя жена, я не смогу.

– Спасибо, Анатолий Иванович. Так она вернётся или нет?

– Не знаю, Оленька...

Их взгляды встретились. « Какие грустные и красивые глаза у этого человека, в них сконцентрирована и любовь, и сострадание, и боль и тревога, и смятение. А ещё большая тоска. Неужели и я так выгляжу, когда кто-то видит меня со стороны», – подумала Оля.

В этот момент в высокое окно мастерской заглянуло большое красное солнце, утопающее в зелени сада. Разогнав тучное стадо облаков, небо вспыхнуло бурной голубизной. В свете приветливых лучей лицо Оленьки блеснуло тонкой назревающей девичьей красотой, отразившейся в оценивающих глазах мастера.

– Смотрите, дожди закончились!

– Как хорошо! Наконец-то. Скоро лето.

ХІІІ

Всю следующую неделю Оля пребывала в восторженном настроении. Подарок ей не то, чтобы нравился, он приводил её в чувство необузданной эйфории, от которого хотелось петь, танцевать и кричать всему знакомому и неизвестному миру о том, что мечты сбываются. Оля сравнивала качества двух скрипок, своей старой китайской, и подаренной, дедовской, и понимала, какая великая пропасть лежит между этими двумя внешне похожими изделиями.

«И как я этого раньше не понимала. Правда люди говорят, что пока не попробуешь, не поймёшь вкуса», – думала Оля.

После душевных наставлений Анатолия Ивановича ей очень хотелось заговорить с отцом. Заговорить серьёзно, обстоятельно, чтобы это не было чем-то бессмысленным и казённым, состоящим из связующих «привет», «как дела», «я

не голодна». Но разговор не получался, то отец всё время занят по работе, то у Оленьки не складывались верные слова для тактичного обращения к папе.

Был у Оли один секрет, который она смогла раскрыть только бабушке, впрочем, не найдя у неё понимания и поддержки – ни словом, ни советом, ни действием. Оле очень нравился её одноклассник Саша Ольшанский – скромный парень, из простой семьи, любитель шахмат, альпинизма и технического творчества. Оля ему тоже нравилась, она это ощущала по поведению Саши – никто из мальчишек не был с ней настолько вежлив, учтив и внимателен. У Саши порой даже голос пропадал, когда он разговаривал с Олей. И ей это льстило.

Почему-то очень захотелось поговорить с Ольшанским. Не то, чтобы открыть ему свои чувства и поделиться мыслями, да и не умела она этого делать. А так – поговорить, чтобы легче стало, может быть, совет попросить. Оля неспешно набрала номер телефона Саши, перед этим посмотрев на себя в зеркало, как будто собиралась на свидание.

– Привет! – отозвался одноклассник. – Прикольно, что ты позвонила, а я тебя как раз вспоминал.

– Правда? И как вспоминал? В смысле, в каком контексте?

– Без контекста. Я тебя часто вспоминаю, ты единственная нормальная девчонка, с кем поговорить можно. Не то, что эти токсики в классе. Чем занимаешься?

– Чилюсь. Совет твой нужен, Сань. Я с отцом хочу поми-

риться, задолбалo с ним агритьcя. Но стрёмно как-то. Ты ж мужчина, не можешь подсказать?

– Ого! Сорян, но тут в жизу надо втыкать. Ну, короче, во все ваши тёрки. Я-то почти не в курсе, за что ты его забанила.

– Саш, отключи гон, я не о том. Просто, вот, как мужчина, что бы тебе хотелось услышать от девушки?

– Что она меня любит...

– Дурак! Опять не понял. Я в том смысле, как бы ты, если бы был отцом, воспринял свою дочь всерьёз, а не как ребёнка? Это о-о-очень важно.

– Ты чё, меня рофлишь? Отцом я стану ещё не скоро, да и то для этого жена должна быть.

– Так я и знала. А думала, что хоть что-то скажешь, чтоб мне решиться на эту тему.

– А что тут решаться, Оля? Из того, что я знаю, у него есть женщина, ты её хейтишь. Но это дело вкуса и привычки. Все мы люди, все мы человеки. Мы как-то с маман о тебе говорили и о предке твоём. Так маман считает, что тебе нужно поговорить с ней, повайбить её с разных сторон: понравится ли тебе её голос, внешность, как она вообще к тебе отнесётся, какие у неё интересы. Ты знаешь её локацию?

– Не знаю. Да и не пойду я к ней. Неудобно. Как я буду выглядеть: мелочь припёрлась к тётке отца делить?

– Отключи че эс вэ и не дели ничего. А просто поговори, попытайся найти общий язык.

– Легко сказать. Хотя это варик. Ладно, спасибо, надо по-

пробовать. В школе увидимся!

Мобильный номер Юлии у Оленьки был давно. Переписала когда-то из отцовского смартфона, на всякий случай. Всё думала, ну, вот, сейчас позвоню, и выскажу ей всё: чтобы оставила отца в покое, чтобы не приходила к ним, чтобы катилась на все четыре стороны и ни на что не рассчитывала. Но не смогла, не набралась решительности. После диалога с Сашей вдруг поняла – сейчас смогу, самое время, другой шанс представится не скоро.

– Здравствуйте!– сказала Оленька, услышав приятный незнакомый голос на другом конце воображаемого провода. – Это Оля.

– Здравствуйте! Какая Оля, извините, у меня ваш номер не отобразился?

– Васильева. Дочь Евгения Борисовича. Моего номера у вас нет.

– Ой, Оленька, я слушаю тебя. Что-то случилось?

– Да.

– С папой?

– Нет, со мной. Я хотела с вами поговорить. Раньше хотела, но боялась, а сейчас набрала номер и получилось.

– Ну, и хорошо, что набрала. Сама я бы вряд ли тебе смогла позвонить. Хотя надо бы. В конце концов, сколько можно строить эти стены. Правда, Оля?

– Правда, – Оля не знала, что можно сказать в эту минуту, поэтому в ход пошёл неожиданно пришедший в голову

экспромт. – Юля, скажите, а вы любите музыку? Джаз, блюз, скрипку там. Настоящую музыку, хорошую.

– Очень люблю, Оленька. А что?

– А давайте вы к нам придёте на чай, и мы послушаем классную музыку, может быть, я даже вам поиграю на скрипке. Вы никогда не слышали, как я играю?

– Конечно, нет, мы ведь даже не видели друг друга. Ну, папа показывал твою фотографию, и всё.

– Придёте в субботу, это послезавтра? У меня есть старинная книга рецептов, ещё советская, мне её один друг – известный в городе музыкант и гитарный мастер подарил, я приготовлю что-нибудь интересное.

– Приглашаешь? Серьёзно? Так неожиданно. Спасибо, Оленька, конечно, я приду. Тоже что-нибудь вкусенького приготовлю и принесу.

– Ура! Приходите, будем вас ждать.

«Ура» вырвалось совершенно случайно, но Оля не обратила на это внимания. Оно было полностью проглочено следующим шагом спонтанно задуманной комбинации. Кроме этого, её внутреннее «я» неожиданно было пленено простотой общения с Юлей, которая перестала являть собой какую-то отчуждённую субстанцию, представляющую непредсказуемую опасность. Украдкой Оленька зашла на кухню, где отец, сузив уставшие глаза, что-то сосредоточено изучал на мониторе ноутбука. Сделала паузу, когда отец поднял глаза, сказала:

– Папа, я пригласила на субботу твою Юлю к нам на чай. И музыку послушать. Я приготовлю что-нибудь, поиграю вам. А вы оцените.

Евгений Борисович застыл гипсовым изваянием. Давно, очень давно дочь не называла его папой. А тут так просто и искренне.

– Подожди, что ты сказала? Повтори, – не поверив услышанному, выдавил из себя Евгений.

– Юля послезавтра к нам в гости придёт. Ты же не против?
– Бог, ты мой. Я против... Почему же я буду против? Ты её где-то видела? Мне она ничего не говорила.

– Это сюрприз, папа. Я ей звонила. Мы классно поговорили, давай готовиться. Нужно прибраться в квартире. И ещё, у меня к тебе серьёзный вопрос.

– Задавай, – еле выговорил растерявшийся отец.
– Как ты смотришь на то, чтобы разменять эту квартиру и нашу квартиру с мамой на просторный дом, такой, как у мастера Анатолия Ивановича? По-моему, нам бы втроем было в нём жить гораздо удобнее.

– Я, конечно... Но...
– Я знаю, что есть юридические проблемы. Я написала запросы на два правовых форума, и юристы мне ответили, что всё реально. Главное – это твоё желание. Моё желание есть. Очень хочу дом, папа! Ты даже не представляешь, как мечтаю. Хочу тоже собирать дома музыкантов и играть. А ты же умеешь исполнять мечты.

– Вот это вопросик, Оленька! Какой хороший вопросик. Мне нравится ход твоих мыслей. Завтра же поручу адвокату изучить тему. Это всё?

– Нет, папа, ещё вопрос.

– Ого! Я уже боюсь физически не справиться с таким объёмом заданий, – по-юношески облегчённо сказал Евгений.

– Справишься. Обещаю. Можно, чтобы ко мне приходил мой одноклассник Саша Ольшанский? Бабушка не разрешала. Но я уже почти взрослая, через два года паспорт получу. И отдаю отчёт своим действиям. К тому же Саша хороший мальчик, он тебе понравится.

– Я не против, пусть приходит.

– А в субботу? Он не будет лишним, чесслово.

– Пусть в субботу приходит.

– Кстати, он неплохо рубит в математике, немного завидую ему, а я что-то совсем на тройки скатилась с этой музыкой. У Саши был репетитор, какая-то училка на пенсии. Она его так здорово подтянула. Он бы и мне помог.

– Так возьми у него телефон этой училки, если вы дружите, я переговорю с ней. И тебя подтянем, а то я что-то действительно перестал интересоваться твоей учёбой. А ну, носи дневник, проверим твою успеваемость!

– Пап, сразу видно, что ты отстал от жизни. Мезозой. У нас уже электронные дневники, зайти в ноут, если надо, и изучай, – Оленька вместе с отцом во весь голос залились неподдельным смехом. Хохотали потому, что это было ска-

зано с такой горячей иронией, от которой тают арктические льды и нырнувшие за облака снега горных вершин. Это был их первый совместный искренний и взаимно открытый смех после смерти Татьяны.

XIV

Утомлённо согнувшаяся Елена Владимировна сидела на кухне, читая вынутый из отцовского шкафа томик стихов Николая Рубцова. Когда-то в юности, благодаря библиотеке отца, она была очень увлечена поэзией, но потом к неудовольствию матери Тамары Васильевны, верх всё-таки взяла математика. Директор школы решительно настоял на том, что Лена обязана поступить на физико-математический факультет педагогического института, при этом он, как далеко смотрящий руководитель учреждения, выдаст ей характеристику-рекомендацию с тем условием, что девушка вернётся на работу в родную школу.

В институт Лена поступила, но от директорской рекомендации отказалась. Не хотелось ей жить в маленьком тесном пригороде, где каждая собака наизусть знает каждый пункт твоей биографии. Лена стремилась в город побольше, где и жизнь кипит быстрее, и возможности реализовать себя как учителя и как женщину в несколько порядков шире. И вот, вернувшись к обрисованному классиком разбитому корыту,

на фоне бессонных ночей при постели немощной матери, вновь погрузилась с головой в увлечение юности. Теперь поэзия взяла верх над математикой.

Поэтому когда ей позвонили с незнакомого номера и предложили поработать репетитором у двенадцатилетней девочки, Елена Владимировна вежливо отказалась. Усталость, депрессия, нежелание, напрягая мозг и волю, возвращаться к числам и формулам, необходимость быть рядом с матерью – всё это в совокупности и стало причиной бойкота. Но молодой человек оказался не только крайне настойчивым, но и весьма щедрым.

– Елена Владимировна, уважаемая, мне некогда искать другого учителя. Тем более, вас отлично рекомендовал лучший друг моей дочери. Я предлагаю вам двойную ставку за час работы, плюс я лично буду вас привозить на занятия и увозить обратно, – голосом, не допускающим отказа, сказал Евгений Борисович.

На следующий день вечером Елена Владимировна уже ехала в белом джипе на занятие к Оленьке. Причиной согласия выехать в город стало, впрочем, не решение подработать копейку на уроках, а неуёмное желание после занятия побывать в доме своего мужа Анатолия Ивановича. Уж слишком подозрительным показался Елене Владимировне звонок от соседки Маши, печальным голосом сообщившей: «Лена, беда, приезжай. Настька ведьма, к Толику снова прибилась».

И не то, чтобы захотелось проверить чистоту постели и

как-то показательно наказать Анатолия за мужскую неверность, а наоборот – появилось неподдельное желание посмотреть ему в глаза, и прочесть в них отражение её собственных чувств. Чувств настоящей глубокой любви, которая преодолагает всякую разлуку и мимолётную людскую слабость. Осталась ли эта любовь? Не поверила Елена Маше, потому и ехала. Убедиться в её лжи или ошибке.

Оленька понравилась Елена Владимировне. Способная девочка, ловит всё на лету. Об этом учительница сразу сказала отцу по окончании занятия. Затем попросила Евгения завезти её на один адрес неподалёку.

– Так я знаю, где это. Это же Анатолий Иванович, гитарный мастер, – уверенно ведя машину, с удивлением сказал Евгений. – Бывают же совпадения, недавно ремонтировали у него скрипку для Оленьки, представляете? Замечательный человек. Божий человек! Понимаете? Просто рекомендую от всей души. А у вас, наверное, тоже кто-то играет, что-то нужно сделать?

– Нет, мне просто с ним нужно переговорить. Проконсультироваться. Вы меня, Евгений Борисович, подождите несколько минут. Хорошо? –

– Конечно, без проблем.

Елена Владимировна достала из сумки ключи, знакомыми движениями отомкнула калитку и заглянула в окна галереи. Здесь горел свет, но никого не было видно. Потоптавшись у двери, заглянула в мастерскую. Сквозь прикрытые

шторы увидела в проёме внутреннего окна два крепко обнимающихся силуэта – мужской и женский.

«Значит, правду сказала Маша», – подумала Елена Владимировна. Тягучей горечью наполнило рот, в виски мощным потоком хлынула пульсирующая кровь. Зайти или уехать? А если зайти, то что сказать им? А ничего не говорить – посмотреть в глаза, и теперь уже точно навсегда покинуть этот дом. Эх, Толик-Толик, Анатолий Иванович! Не устоял ты всё-таки перед гипнозом змеи – Настьки. Елена Владимировна выдохнула и решительно вошла в галерею, пробежала в зал и резко завернула на кухню...

– Мама, с ног собьёшь, господи! – услышала она родной и знакомый голос дочери. – Испугала! Тебе, наверное, кто-то сказал, что я приехала?

– Анька, дочка! – мать и дочь, брызнув слезами, горячо обнялись.

– Мамуль, – скороговоркой начала Аня, – я на пять сек заехала. Сейчас меня подберёт Ванька Бурцев, я к бабуле с ним поеду, она уже ждёт, мы созвонились. Там по хоспису надо пару вопросов обсудить. Папа тебе всё расскажет. Ты оставайся дома, а завтра уже обо всём договоримся, посидим, поокаем.

– Так сразу и уезжаешь, – изумилась Елена Владимировна, – и не поговорим?

– Мам, ну, сказала же, Ванька подъезжает, друг детства. Я почти месяц тут буду, отпуск взяла, наболтаемся ещё.

Всё, пока-пока, побежала, а то неудобно, попросила человека подкинуть, от семьи оторвала.

Елена Владимировна и Анатолий Иванович остались одни. Они посмотрели в глаза друг другу, пытаясь подобрать слова для начала разговора, которого жаждали оба.

– Может, снимем все вопросы поцелуем, а? Так давно не виделись. Соскучилась? – вдруг спросил Анатолий Иванович.

– Ещё как, – ответила Елена Владимировна.

– Та-а-к, я вижу у вас тут надо-олго, – раздался голос Евгения Борисовича, входящего в зал. – Все двери были открыты, извините, конечно, что без стука, но темнеет на улице. Кстати, здравствуйте Анатолий Иванович! Вы меня отпускаете Елена Владимировна?

– Ой, Евгений Борисович, простите меня, – смутилась хозяйка дома.

– Не надо этих сантиментов, я всё понял сразу, – широко улыбнулся Евгений, на его щеках загорелся лёгкий румянец. – Да и в калитку вы не звонили, а открыли своим ключом. Это знак, что вы и есть та самая, которую ждёт и по которой тоскует мастер. В таком случае я могу спокойно ехать к Оленьке. У нас завтра чаепитие, Анатолий Иванович. Мне так хотелось вам об этом сказать. Юля будет знакомиться с Олей. Переживаю немного, но, думаю, что всё будет хорошо.

– Любовь – это искусство проигрывать. Оля освоила его. Всё будет замечательно, я верил в это, – протянул руку Евге-

нию Анатолий Иванович. Но тот не принял её, а сделал широкий шаг вперёд и крепко обнял мастера.

– Я очень вам благодарен, за всё, за Оленьку, – прошептал Евгений. – Кстати, как ваша фамилия, Доктор. А то я рекламирую вас, а тут такой конфуз – знаю только имя и отчество.

– Вы не поверите, Женя. Душкин.

Июнь 2023 г.